

Врата Азира / The Gates of Azyr (повесть)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Врата Азира / The Gates of Azyr
(повесть)



Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Йорик, Строчан
Издательство	Black Library
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Из расколовшего мир вечного вихря родились Восемь Царств. Божественная сила наполнила жизнью бесформенную материю.

На небесном своде возникли причудливые новые миры, украшенные присутствием духов, богов и людей. Благороднейшим из богов был Зигмар. Бесчисленные годы он освещал царство собственным светом и величием, правя своими владениями. Его мощь была подобна грому. Его мудрость была безграничной. Перед Его возвышенным троном склонялись и смертные, и бессмертные. Возникли великие империи, и казалось, что зло удалось изгнать. Зигмар покорил землю и небо и властвовал в

славную эру легенд.

Но жесткость терпелива. Как и было предсказано, великий союз богов и людей разорвал себя на части. Мифы и легенды рассыпались и были поглощены Хаосом. Тьма захлестнула царства. Страдания, рабство, страх – вот что пришло на смену былому величию. Зигмар отвернулся от смертных царств, чувствуя отвращение к их судьбе, и взглянул на остатки мира, который потерял так давно. Он размышлял над его обугленным ядром, бесконечно ища знамения надежды. И, наконец, сквозь мрачную пелену гнева Зигмар увидел проблеск чего-то величественного. Он представил оружие, созданное на небесах, сверкающее так ярко, что оно сможет пронзить беспросветную ночь подобно маяку. Армию, сотворённую из всего, что он утратил.

Зигмар отправил своих ремесленников за работу, и они трудились долгие века, стремясь обуздать силу звёзд. И когда Его великая работа приблизилась к завершению, Он вновь обратил свой взор на царства и узрел, что владычество Хаоса в них стало почти полным. Настал час возмездия. Наконец, сверкая молниями из глаз, Он шагнул вперёд, чтобы обрушить свои творения на врага.

Наступила Эра Зигмара.



Содержание

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Четвёртая глава

Глава пятая

Шестая глава

Глава седьмая

Восьмая глава

Глава первая

Ванд – так они звали его.

Это было имя-знамение, несущее в себе благословение Золотого Города. *Он станет первым*, говорили они. Никто не вступит во Владения Смертных прежде Ванда, хотя несущие возмездие лишь на шаг отстанут от него. Очень долго он не понимал, о чем идет речь, ведь им приходилось наставлять его, как ребенка, учить, как вспомнить всё, инстинктивно понятное прежде.

Теперь, по прошествии эонов, он понял. Годы тщеты подходили к концу, и замыслы Бога-Короля наконец созрели для воплощения. Ванд был орудием, лишь одним из бесчисленного воинства, но и ярчайшей звездой на небосводе спасенной славы.

Очень, очень долго он знал один лишь Азир, а всё иное было потеряно в тумане времени.

Но раньше существовали и другие миры. Теперь, уже очень скоро, всё станет по-прежнему.

Они смотрели на Ванда – десять тысяч, что выстроились в боевой порядок, облаченные в сияющую броню золота и сини. Стены вокруг них возносились ввысь, подобно отвесным скалам, позолоченные, зеркальные и отмеченные знаками Перекованных.

Ванд стоял под сапфирным куполом, длинная мраморная лестница спускалась к хрустальному полу огромного зала. Над головами воинов сиял в серебряной оправе лучезарный символ Двухвостой Кометы, выгравированный в чистейшем зигмарите.

Такого никогда не случалось прежде. Ни разу за тысячу лет тяжелых трудов и советов, ни в одной из древних войн, которые Бог-Король вел в ныне утраченных владениях, не происходило ничего подобного. Даже мудрость богов не была бесконечной, и долгие эпохи трудов всё ещё могли закончиться ничем.

Подняв руку, Ванд взглянул на зигмаритовую латную перчатку, восхищаясь тем, как броня охватывает его плоть. Каждый фрагмент доспеха был идеальным; мастера-оружейники тщательно обдумывали латы, прежде чем создать их для служения Вечным. Сжав золотые пальцы, он высоко воздел кулак над головой.

Внизу – *далеко* внизу – его грозное воинство, Молоты Зигмара, разразилось могучим ревом. Все, как один, они сжали правые кулаки.

Молоторукий!

Ванд наслаждался этим выражением преданности. Своды зала содрогнулись от голосов Вечных, каждый из которых звучал громче и глубже, чем у смертных людей. Они выглядели великолепно. Они выглядели *несокрушимо*.

– Этой ночью! – вскричал Ванд, и слова эти, усилившись, заполнили пропасть перед ним. – Этой ночью мы отворим давно запертые врата!

Воинство умолкло, обратившись в слух – каждый знал, что после речи Ванда их примет бездна.

– Этой ночью мы сокрушим варваров, – продолжал Молоторукий. – Этой ночью мы сокрушим демонов. Мы пересечем бесконечность. Мы дерзнем вернуться во владения, что принадлежат нам по праву рождения!

Десять тысяч золотых шлемов взирали на него. Десять тысяч кулаков сжимали рукояти боевых молотов. Освободители, составлявшие наибольшую часть могучего воинства, гордо стояли в блистающих золотом фалангах. Все они когда-то были смертными, как и сам Ванд, но теперь воплощали собою огненных ангелов; смертность их обратилась величием.

– Вы здесь по замыслу самой вечности, – говорил Молоторукий, обводя взглядом море ожидающих лиц. – Судьба наделила вас своими дарами, и Кузня прибавила вам сил сторицей. Теперь вы – первейшие слуги Бога-Короля! Вы его клинки, вы его щиты, вы – его возмездие!

Среди Освободителей стояли Воздаятели; даже более величественные, чем их товарищи, они прижимали к немыслимо широким нагрудникам огромные двуручные молниевые молоты. Воздаятели были прочным ядром армии, чемпионами, вокруг которых собирался легион. Короткие разряды тусклых молний искрились на их тяжелой броне, указывая на ужасающие, неудержимые силы внутри доспехов.

– Вы – лучшие, сильнейшие, чистейшие, – сказал им Ванд. – Сотворенные в боли, вы будете жить во славе. Нет у вас иной цели, кроме как приносить ужас врагу, разорять его земли и сокрушать его

крепости.

По флангам воинства располагались Обвинители, опаснейшие в своей элегантности воины из всех собравшихся. Их броню облегал громадный панцирь с белыми, словно лебедиными, крыльями, каждое перо которых ослепляло внутренней чистотой. Это были бойцы с самым яростным, диким и гордым духом. Чуть меньшую стойкость, чем у товарищей, Обвинители возмещали способностью к высокому полету, и в их латных перчатках пылала беспримесная суть Кометы.

– Сейчас нас отправляют в сердце кошмаров. Бессчетные эпохи зрела эта опухоль на лице вселенной, изгоняя надежду с земель, некогда принадлежавших нашему народу. Война будет долгой. Неизбежны страдания и муки, ибо мы встанем против легионов самого ада.

Рядом с Вандом стоял великий небесный дракот Каланакс, бронированная шкура которого сияла в золотом свете зала. Завитки горячего дыма струились из ноздрей зверя, и длинные когти его скребли хрустальный пол. Молоторукий первым приручил такое создание, хотя теперь на службе грозного воинства были и другие дракоты. Каланакс и его сородичи происходили от намного более древних мифических существ, и в них хранилась частичка бессмертной силы предков.

– Но они не знают нас! Они уверены, что завоевания окончены, что можно предаваться насилиям и мелким жестокостям. Мы были созданы в тайне, и появление наше станет для них погибелью миров! С нашей победой прекратятся пытки. Прекратится резня. Мы очистим эти миры огнем, и швырнем узурпаторов в ямы, что изрыгнули их на свет!

Говоря, Ванд чувствовал на себе взгляды других капитанов. Стройный и гордый, возвышался рядом Анакт Небесный Шлем, повелитель крылатого воинства. Лорд-реликтор Иона, называемый ими Склепорожденным, оставался в тени, хотя Молоторукий ощущал его иссушенное присутствие. Иона наблюдал, молчал и обдумывал. Если удастся пройти по молниевому мосту, эти двое возглавят наступление и поведут авангард в битву за великий приз – Врата Азира, запертые почти целую вечность. Открыть их можно было, только сотворив заклинания с *обеих* сторон барьера.

И всё же, несмотря на их власть, честь командовать атакой выпала одной-единственной душе. Сам Бог-Король наделил Ванда титулом лорда-селестанта, первого из громового воинства.

Теперь Молоторукий воздел над головой обе руки, держа в одной Гельденсен*, а другую по-прежнему сжимая в кулак. Рукоять оружия отразила свет хрустальных ламп и засверкала, словно залитая лунным светом.

– Да забудутся годы стыда! – провозгласил Ванд. – Павшие будут отомщены, и сами Темные боги познают нашу ярость!

Сияющие воины внизу загрохотали молотами о тяжелые щиты, а затем воздели оружие, салютуя командиру и одобряя его слова. Зал наполнился шумом голосов, зазвучавших в предвкушении боя.

– Начинается отвоевание, братья мои! – взревел Молоторукий, впитывая беспримесную мощь Вечных. – Этой ночью мы принесем им войну!

Могучий рокот отозвался в хрустальном полу, и показалось, что задрожала земля. Дуговые разряды молний с треском зазмеились по золотым стенам. Символ кометы засверкал бриллиантовым светом, посылая блистающие лучи по огромному пространству зала. Нечто приближалось к кульминации; нечто *великое*.

- Этой ночью, - кричал Ванд, наслаждаясь грандиозностью божественной магии, - *мы оседлаем грозу!*

Грохочущий удар сотряс покои от основания до высокой крыши. Ветер, рожденный раскатом грома, с воем пронесся по залу и вспыхнул белым пламенем, достигнув апогея. Золотой отраженный свет внезапно хлынул из каждого участка стен, купола и поблескивающих полов. С ним явились разряды молний, толщиной в человеческую руку.

Прозвучал второй раскатистый удар, и пространство меж стен исчезло в кружащемся вихре серебряного огня. Мир пошатнулся, словно падая с основания, и запахло озоном - резко и горько.

А затем молнии с треском исчезли, так же внезапно, как и появились. Бриллиантовый свет медленно угас, ветра унеслись прочь. Остался сам зал, окутанный мерцающей золотой дымкой, которую всё ещё ярко озаряло сияние знака Двухвостой Кометы.

Только мраморный пол опустел. Не было ни голосов, ни рядов воинов - ничего, кроме стихающих отголосков мощнейшей вспышки, отзвуков, что завивались у золотых стен подобно струйкам дыма.

Глава вторая

Им оставалось только бежать, но даже это в конечном счёте было бесполезным, ведь спастись не мог никто. Однако их гнали вперёд инстинкты - первобытное желание остаться в живых, продолжать двигаться, не покориться воле богов ещё немного до заката кровавого солнца.

После последних налётов её племя было уничтожено, и теперь от него не осталось и сорока душ. Первыми погибли старые - слишком медленные, неспособные бежать, быстро схваченные, но слишком жёсткие, не пригодные для еды. Мучители терзали их морщинистые от старости тела, наслаждаясь долгими воплями. Затем они забрали детей, одного за другим, обрекая племя на вымирание. И теперь остались лишь те, кто был достаточно быстр, не отравлен пропитавшими землю ядами и не стал слишком медленным, вялым от ран.

И даже эти последние выжившие были измотаны. Силы человеческого тела не беспредельны, а на прихваченных с опалённых полей колосьях далеко не уйдёшь.

Какой стыд. Ей всегда говорили, что её родословная была древней, тянущейся в легендарные времена до бесконечной ночи. Конечно, она не особенно верила в подобную похвальбу, но теперь это было не важно, ведь вскоре, даже если рассказанные у костра мифы были правдой, их род всё равно оборвётся.

Калья тяжело опустилась на землю, задыхаясь, упираясь ладонями во влажную грязь, пытаясь отдышаться. Остальные рухнули на колени или осели рядом - Сван, Ренек, Еленнар, все... Калья дышала глубоко, чувствуя, как пепел оседает в её глотке, даже зная, что от него она зайдётся кашлем.

- Как близко? - спросила Еленнар. Её покрытое коркой грязи лицо побелело от страха.

- А это важно? - пожал плечами измученный Ренек.

- Это кровавые налетчики, - Калья тяжело втянула воздух. - Они не быстрее нас. Мы можем добраться до дельты.

- Они едят плоть ещё живых жертв, - сухо заметил Сван. - И она придаёт им силу. Так что да, они быстрее...

Калья заставила себя встать на ноги. Она была изнурена, её щёки запали, кожа посерела, а длинные волосы свалились и комками свисали на лицо. На боку Кальи висел тяжёлый тупой нож, а её огрубевшую кожу покрывали следы старых ран, полученных за целую жизнь, проведённую в бегах или в схватках.

Впереди на севере мрачное небо опускалось, становясь ржаво-красным. Проблески багряных молний мелькали у далёкого горизонта, пронзенный, словно клыками, силуэтами старых башен черепов. Повсюду вокруг земля была разбитой и потрескавшейся, расколотой на огромные плиты и пробитой высохшими руслами. Выжившие в пустошах растения почернели и огрубели, но цеплялись за жизнь с такой же мрачной решимостью, как и смертные.

Калья принялась. Ветер пах так же, как и всегда – жарким пеплом и цепким и приторным запахом гниющих трупов, но в нём было что-то ещё...

- Я чую воду, - сказала она, повернувшись к остальным.

Сван хрипло расхохотался. Такую воду пить не стоило, ведь потоки Пламенной Дельты были отравлены и пузырились в своих извилистых руслах, словно шипящая ртуть. Поэтому здесь не жил никто, даже самые отчаявшиеся из ставших добычей людей. Извилистые лабиринты могли скрыть их, но лишь на какое-то время.

- Мы не переживём эту ночь... - прошептал Ренек. Его плечи тяжело опустились.

- Тогда оставайся, - Калья сплюнула на землю. - Они сожрут твои глаза, пока ты будешь молить их о смерти.

По земле пронёсся низкий рокот грома. Далеко на юге разносился рёв боевых рогов. Где-то на опалённых равнинах бесконечные армии вновь наступали, ища черепа. Они не отправятся так далеко на север, где не было ничего, кроме обглоданных костей, с которых падальщики давным-давно содрали всё мясо. Однако кровавые налетчики выследят всё и всех.

- Нам нужно идти, - сказала Калья, встряхнувшись и готовясь вновь бежать. Её ноги болели, а желудок выл от голода, но выхода не было. И они побежали вновь, все, с Кальей и Сваном во главе, спотыкаясь и шатаясь, двигаясь на север – туда, где ждала дельта. Туда, где они прожили бы ещё немного в мире, который желал прикончить их – и ничего более.

Ракх жевал, наслаждаясь вкусом, запахами, клочьями плоти, сползающими по подбородку и падающими на безрукавку. Он закрыл глаза, чувствуя, как его уносит прочь нечто подобное блаженству. Он ощущал, как внутри течёт жаркая жидкость, наполняя его божественной силой. Ракх облизнул губы, чувствуя острый металлический привкус.

- Хватит, - рявкнул Слейх, вытирая рот тыльной стороной руки, размазывая вдоль рваной челюсти потёки крови. - Найдём ещё.

Ракх скривился, потянувшись за мясом. Возможно, ему показалось, но не дёрнулся ли труп? Пировать всегда лучше, пока они ещё живы. Крики, как и слёзы, делают еду вкуснее. Стоит смеяться, когда они плачут, так делают все. Не проявишь должного веселья, и, возможно, в голодные годы тебя самого пустят на ножи...

Повсюду вокруг брызжущего искрами костра другие кровавые налетчики тяжело поднимались на ноги.

Приближалась ночь, и по земле ползли длинные рваные тени. Температура быстро опускалась, и он уже чувствовал сквозь пластины брони укусы холода. Всего их было пятьдесят – большая охотничья стая. Чтобы оставаться сильными и поджарыми, они должны были схватить всех замеченных смертных, конечно, кроме тех, кто сможет избежать пиршества, кому будет позволено присоединиться к ним.

Налетчики не были слабоумными дикарями, и для любящих жизнь всегда оставался выход. Цена была простой – присоединись к оргиям поглощения, научись ценить дрожащие жиры человеческого тела, поглоти их, смакуя во рту, изрыгая хвалу Повелителю Битв.

Ракх сделал свой выбор давным-давно. Иногда он вспоминал те первые ночи, когда ему хотелось блевануть, когда он заставлял себя погрузиться в беспокойный сон, скрывая ужас, который сделал бы его жалкой добычей.

Теперь при мысли об этом он усмехался. Как всё изменилось. Он начал наслаждаться тканями, хрустящей кожей, сорванной с мускулов, почками, жилами и вырванными из органов сосудами... Ракх продолжал жевать, ворочая плоть между обитых железом зубов.

Слейкх выпрямился и втянул ночной воздух ноздрями. Красные глаза вожака стали расширились, когда он всмотрелся во тьму. Затем он зашипел, и его волчье лицо скривилось в усмешке.

- Запах ещё уловим, - прошептал он, протянув руку к окровавленному топорищу. – Туда.

Остальные подтягивались ближе, беря крючья, цепи, топоры. Их оружие было сделанным кое-как, но кто, кроме владык Медной Твердыни повелевал кузницами, которые изготавливали для них все необходимое? Кровавые налетчики были падальщиками, хищными зверями, кружившими в полумраке вокруг костров. Они брали всё что могли украсть или сделать в пустошах, и этого было достаточно чтобы крушить плоть и рвать мускулы.

- За мной, - приказал Слейкх, побежав впрыскалку навстречу ночи.

Ракх бросился за ним, как и остальные. Охота началась вновь.

Акши – так называлось это царство, пусть этого и не знал никто, кроме его самых могущественных обитателей. Здесь, на Серном Полуострове, кости земли перековывались в огне, под её скалистой поверхностью бурлили и кипели древние литейные. До эпох разрушения эта земля кишела жизнью, которую наполняли силой течения волшебства, идущие по горам и ущельям.

Теперь эти времена были забыты – непрестанное нашествие проклятых армий вычеркнуло их из истории. Не стало ни городов, ни королевств Акши – всё поглотила топь пролитого ихора. На их месте возникли новые твердыни – храмы насилия, одетые в бронзу и окованные медью, где кровь бурлила вокруг железных тронов. По воле жестоких богов убийства продолжались даже тогда, когда исполнились все возможные мечты о завоеваниях. Погибшим не было числа, но, по правде сказать, они были счастливчиками, ведь они умерли рано и не увидели, во что превратился их мир.

В Акши остались лишь Владыки Разрушения – смертные чемпионы Пантеона, рыщущие по осквернённой ими земле в надежде найти что-то, что можно убить. После уничтожения всего возможного сопротивления они обратились друг на друга, огромные орды сходились вместе в бесконечной резне. В ней могли прожить долго лишь Одарённые – благословенные демонической силой или наделённые губительными орудиями. Тёмная магия кружила и бурлила на заваленных костями пустошах, питая бесконечную резню и раздувая распри, благодаря которым гудели наковальни и сверкали кузницы.

Не столь возвышенным людям осталась лишь полужизнь, цепляющаяся за край бездны забвения. Всё ещё рождались дети, и потому род людской продолжал жить, но они становились лишь добычей, рабами или жертвами избранных победоносных Тёмных Богов. Лишь удача могла позволить прожить дольше двадцати лет, а до трёх десятков дотягивали чудом. В конце концов, жизнь в аду была короткой. Здесь не было мудрецов, князей, чародеев и жрецов, им не было место в отчаянной, яростной и безнадежной борьбе за возможность сделать ещё один вдох, услышать ещё один удар своего сердца и увидеть ещё один омрачённый восход, пока поток убийств не захлёстывал с головой.

Несмотря на все рассказанные истории, племя Кальи не отличалось от тысяч остальных, чей свет тлел, а потом его давили. Они бежали от отчаяния, а не от надежды. Выбирать они могли лишь способ смерти, желая чистый конец без страданий.

Калья ускоряла шаг, чувствуя, как её дыхание становится хриплым, но знала, что стоит сбиться – и придёт конец. Сван держался за неё, а остальные тяжело бежали следом, спотыкаясь по нервной и разбитой земле.

С широкого Серного Полуострова они добрались до южной окраины Пламенной Дельты, и земля под их ногами раскололась. Появились расщелины – некоторые застывшие и сухие, а другие мерцающие от открывшегося подземного огня. Клубы сернистого пара бурлили над расколотой землёй, кружа вокруг кустов растений с железными шипами.

Здесь было сложно искать путь – можно было спуститься по широкой ложине и выйти на расколотый утёс или же пройти по плоским плитам, а выйти к озёрам кипящей лавы. Всюду воняло, жар словно когтями вцеплялся в них, отчего было тяжело даже дышать.

- Это место убьёт нас быстрее, чем они... - прошептал Ренек, ковыляя и спотыкаясь из-за глубокой раны в левом бедре, оставленной шипами.

- Молись, чтобы это так и было... - прошептала Калья, бегущая вперёд, не медля, чтобы дожидаться других. Возможно, что в эту ночь крововорам хватит отставших, поэтому стоило держаться впереди.

И вот они добрались до длинной извилистой теснины. Чем дальше шли люди-жертвы, тем выше вздымались стены. Вскоре края стали отвесными и покрытыми шипастыми кустами, так что взобраться было невозможно, им оставалось только идти вперед в надежде, что путь не закончится очередным тупиком.

Продолжая бежать, они слышали позади глухой перестук шагов. Узкое ущелье усиливало звуки погони, напоминая племени о том, каким ничтожным стал разрыв между охотниками и добычей. Они передвигали ноги молча и мрачно, пригнув головы, пытаясь не замечать жара в груди...

Калья первой добралась до конца ущелья, где стены сходились так близко, что на мгновение показалось, что там не пройти, но он остались на расстоянии ширины человека в обхват, оставив узкую брешь, через которую она могла протиснуться.

Женщина проползла вперёд, чувствуя, как её рваная одежда цепляется за горячие камни. Трещина тянулась вперёд почти на двадцать метров, с каждым шагом скала под ногами становилась жарче и маслянистей. Вскоре Калья оказалось почти в полной темноте, от нависших повсюду скал ей хотелось кричать. А затем проход внезапно открылся вновь. Она вышла на узкий каменный выступ, над которым раскинулось красное небо, усеянное раздувшимися облаками, разрываемыми вспышками молний.

Прижавшись спиной к утёсу, Калья оглянулась. Остальные люди её племени выбирались из теснины на

уступ.

Осыпавшийся карниз медленно опускался вниз, открывая путь на равнину. Вдаль тянулась земля, чёрная, словно обсидиан, отмеченная яркими следами огня и клубящимися облаками серных гейзеров. Далеко на севере мрачающий горизонт пронзали груды черепов, вздымавшиеся подобно горам и освещенные пламенем. Между костяными пирамидами стояли развалины древних укреплений, разбитые и выступающие из земли к бурлящему небу, словно обглоданные рёбра. Среди развалин виднелись железные помосты, на некоторых из них на шипастых колёсах ещё лежали скелеты, а грозовой ветер раскачивал ржавые виселицы.

Повсюду, насколько мог видеть глаз, на многие километры землю пересекала каменная кладка. Должно быть, когда-то здесь находился достойный империи город из огромных зданий. Уцелели среди них лишь немногие, но среди них особенно выделялось одно, заброшенное и стоявшее отдельно от развалин.

Два огромных каменных подножия вырывались из опалённой магмой земли, а опорой им служили статуи согнувшихся под бременем людей. Над ними возвышались колонны, покрытые высеченными рунами и другими образами – драконами, змеями, изображениями комет и причудливыми астрологическими знаками. Вершины колонн сходились, становясь огромными боками арки, увенчанной замковым камнем в сотне метров над равниной. По обе стороны от её краёв петляли винтовые лестницы, ведущие внутрь и наружу из смотровых и дозорных башен. По их бокам низвергалась чёрная лава, от которой камень потрескался, открыв сверкающие нити магмы внутри, но в целом здание осталось невредимым и поражало воображение своим величием даже посреди запустения.

Калья не могла отвести от него взгляда. Под этой аркой могли пройти многие тысячи воинов, целая армия, но за ней не лежали пути. По разбитой дельте не вели дороги, а под аркой зияла пустота, открывающая руины на другой стороне.

Остальные начали спускаться на равнину по скату. Калья с трудом отвела взгляд и последовала за ними. Через теснину пробралось меньше тридцати людей, хотя, если остальных схватили, то у них будет больше времени...

- Что это? – прошептала Калья, когда они мчались к огромной тени арки.

- Не важно, - ответил Сван, даже не поднимая взгляда. – Она не сможет спрятать нас, не сможет спасти. Прекрати пялиться на неё.

Но Калья не могла. Её глаза тянуло вверх – к башням, к каменным скульптурам, к причудливым рунам, которые она не могла прочитать, но в которых чувствовала нечто важное. Когда она посмотрела вверх, воздух под аркой вздулся, словно он был жидким и нечто давило с другой стороны. Она помедлила.

Ничего. Через пролёт пронёсся порыв горячего пепельного ветра, никак не изменившись и оставшись таким же вонючим, как и прежде. Небеса сотряс ещё один раскат грома. Над ними проносились облака, с каждым вздохом вздымавшиеся всё выше, становившиеся всё тяжелее. Будет сильная гроза. Возможно, дождь скроет их следы и собьет с пути кровавых налетчиков.

Тьму разорвал крик – высокий и полный ужаса. Звук раздался из устья теснины и разнёсся странным эхом, словно убегая прочь. Калья знала, чей это голос. Она содрогнулась при мысли о том, от каких ужасов он мог так кричать. Затем Калья встряхнулась, заставив себя забыть о развалинах и думать лишь о старом желании – сделать ещё один вдох, увидеть ещё один рассвет.

А затем она побежала, преследуемая, как и всю свою жизнь.

Глава третья

Кровавые налетчики привычно перестроились для погони: рассредоточились, развернулись веером по долине, будто гончие, взявшие след. Бежавшие по краям обладали самыми острыми глазами и чутким нюхом, они могли учуять страх смертного с полулиги и неотступно преследовать добычу, пока та не упадет, вопящая, под их когтями.

Тяжело дыша, Ракх неся в ритме преследования. Его клинок – щербатый секач с рукоятью из человеческой кости, всё ещё влажный от слюны и багряной крови – был зажат в отмахивающей левой руке. Остальные спешили, как и он, подгоняемые голодом, размахивали оружием и гремели пластинами брони. В горячем воздухе сгушался мускусный аромат кровожадного иступления.

– Кровь для Кровавого бога, – пробормотал Ракх себе под нос, выдавливая слова через влажные губы. Когда он выучил их? Почему их бормотал каждый рот, от призрачного севера до опаленного юга Владения? Ни один жрец не проповедовал этих слов, ведь в пустошах не было жрецов – речевка родилась естественно, без принуждения, будто сам воздух нашептал её во снах налетчика.

Они неслись вдоль длинной, широкой низменности, огибая участки шипастых кустарников с черной листвой. Впереди разевал пасть узкий проход, стены которого становились всё отвеснее по мере того, как ущелье сужалось к далекому концу. Добыча направилась именно туда, даже Ракх чуял это.

– Шевелись! – рявкнул Слейх, перепрыгивая через груды щебня и размахивая топором.

Дальше за вожаком стаи, во тьме, мелькнуло какое-то движение. На бегу Ракх почти ничего не смог рассмотреть, но ему не померещилось: тень отделилась от подножия скал, а затем пропала.

Налетчик покрутил головой, одновременно стараясь не отстать от других бегунов. Что это было? Оно одно или их несколько? Может, смертные залегли в скалах, надеясь остаться незамеченными?

Но Слейх уже ускорился, стремясь к узкой глотке теснины. Самые давние и смертоносные воины стаи, тела которых сделались поджарыми и крепкими от жизни на сыром мясе, последовали за ним. Никто из них, поглощенных запахом крови, бегущих по следу крови и усталости, не заметил того движения.

Ракх хотел крикнуть, предупредить остальных, но прикусил язык, помня об иерархии стаи. Если кто-то нарушит единство, дарованное кровавой жаждой, остальные быстро набросятся на него и вгрызутся в его жилы так же охотно, как в тело добычи.

И молчание налетчика обрекло всех. Стая почти добралась до узкой расселины, когда взревели первые боевые рога, от звука которых содрогнулись небеса, а у Ракха зазвенело в ушах. Оступившись, он чуть не упал.

Услышав рев, Слейх немедленно принялся сыпать проклятиями и вертеть головой из стороны в сторону, пытаясь понять, откуда он доносится.

Зазвучали новые боевые рога, на сей раз с другой стороны долины, и спереди, и сзади – отовсюду. Крутнувшись на месте, Ракх пригнулся в защитной стойке; он сплюнул на секач, чтобы клинок входил в плоть гладко, и начал выискивать неприятелей.

Ждать пришлось не дольше удара сердца. Враги устремились к налетчикам с высоких стен ущелья, потоком сбегая по неровным скалам, будто крысы из прорванной трубы. Заметив отлив их брони – нечисто-красный, с отделкой из темного железа – Ракх проклял судьбу.

Значит, военная банда, свита самого Владыки: лучше вооруженные, жестоко тренированные, более чем достойные противники для стаи.

- Выпотрошим их! - бессмысленно заорал Слейх, который уже бежал навстречу первым из воинов в красных доспехах, спускавшимся по крутому склону.

Ещё больше врагов двигалось с юга, беря налетчиков в тиски. Должно быть, они долго следовали за стаей, ожидая наступления ночи в уверенности, что их добыча станет беспечной из-за погони за свежим мясом. Так всё и случилось.

У Ракха вспотели ладони; он подобрался ближе к Слейху. Основная часть стаи поступила так же, и кровавые налетчики собрались тесной группой, развернувшись лицом к врагу.

Первые бойцы военной банды, пуская пену, жестко обрушились на них, головоломный спуск по склону перешел в атаку. Вооруженный топором здоровяк, в мехах поверх доспеха с черной отделкой, врезался в Слейха и отбросил вожака налетчиков ударом плеча. Тут же в бой вступили остальные враги, заходясь ревом из охрипших глоток и орудуя клинками так, что от широты размахов хрустели кости. Все они были крупными воинами, с могучими руками и ногами, облаченные в сталь и железо, с топорами, гладкий металл которых покрывали глубоко процарапанные символы гибели.

Пригнувшись под неистовым взмахом, Ракх сделал выпад секачом снизу вверх. Щербатый клинок гладко вошел в мускулистое тело, и противник крякнул от боли. Вслед за поворотом секача изо рта жертвы налетчика забулькала черная кровь. Отбросив хрипящий полутруп, Ракх изготавился отразить атаку следующего врага.

«Кровавые воины, - подумал он, уходя от удара топором с короткой рукоятью. - Что они здесь делают? Это же пустошь, тут нет ничего, кроме праха».

Толпа, теснящая налетчика со всех сторон, удвоилась, когда ещё больше воинов присоединились к схватке. Здоровяки секли, били и делали выпады шипастым оружием, с лезвий опускающихся топоров разлетались струйки крови и ошметки плоти. Ракх снова пригнулся, но опоздал и получил скользящий удар по шлему, от которого зазвенело в ушах. Неловко отшатнувшись за спину другого налетчика, он избежал смерти ценой жизни товарища по стае.

Полегла уже четверть братьев Ракха: выпотрошенные, словно рыбы, они лежали на скалах и хватали воздух окровавленными губами. Слейх держал стаю вместе и достойно сражался, пытаясь отойти к теснине, где налетчики хотя бы могли драться спиной к скале. Впрочем, Ракх видел, что положение безнадежно, их окружили, поймали на открытом месте и многократно превосшли числом. Всё закончится очень быстро.

Он попытался вырваться из кольца, оттолкнув железный щит кровавого воина и махнув секачом, чтобы расчистить дорогу. Ракх сумел повалить ещё одного врага, - разрубив здоровяку верхнюю часть бедра, он ринулся вперед и жестоко ударил его головой в незащищенное лицо, - но налетчику никак не удавалось высвободиться из толчеи сражающихся бойцов.

Каким-то образом, направляемый собственным отчаянием, при помощи мелькающих теней, криков и тьмы, он протиснулся через узкий промежуток в движущейся толпе и увидел впереди свободное пространство. Выплывавая хвалу Кровавому богу, Ракх бросился в просвет, ринулся дальше - и поскользнулся на мокрых от крови камнях.

А ведь он почти выбрался. Слишком поздно налетчик увидел, почему возник промежуток, достаточно

большой, чтобы пропустить его. Проехавшись на спине, Ракх наконец остановился, и его изодранная челюсть отвисла.

Над упавшим возвышался истинный великан, который был настолько же громаднее кровавых воинов, насколько они превосходили отребье Слейха. Броня его, украшенная черепами и отделанная по краям окровавленной бронзой, в угасающем свете отливала тусклой краснотой прокисшего вина. В руках гигант держал огромное медное древко, увенчанное символом Кхорна из тлеющего скрытой злобой металла.

Значит, вот он, вожак неприятелей, чемпион, мрачная воля которого держит военную банду в узде. Никогда прежде Ракх не видел столь превосходных доспехов и оружия, наполненного такой могучей, опаляющей землю силой. На севере прозвучал первый удар грома, и, пока над равниной прокатывались его отголоски, налетчик извивался в грязи высотой по лодыжку стоящему воину. Он отползал назад, думая только о том, как спастись от нависшего над ним великана.

Одним-единственным шагом чемпион непринужденно подступил к Ракху и высоко воздел древко. По рукояти побежали красно-коричневые отблески разрядов, с треском вгрызавшиеся в навершие с кхорнитским символом. Налетчик мог только смотреть снизу вверх на своего убийцу, уже сжимаясь в предчувствии мучительной боли от удара шипастым острием древка в живот. Как он и ожидал, шест начал опускаться, и Ракх плотно зажмурился.

- Клеймитель Черепов! – донесся из ночной тьмы рык, сотрясший землю под ногами сражающихся.

Время остановилось. Умолкли вопли, стихли отголоски боевых кличей.

Сообразив, что всё ещё дышит, налетчик медленно открыл глаза. Наконечник древка, крепко сжатого в руках чемпиона, замер в паре дюймов от тела Ракха. Череполикий шлем великана не выражал никаких чувств, виднелось только сияние двух нечеловеческих глаз, пылающих за вычурной железной маской.

Чемпион банды не шевелился. Воины вокруг него не шевелились. Словно пойманные в какую-то невидимую сеть, они замерли посреди резни, а уцелевшие кровавые налетчики съёжились на земле рядом с ними.

Затем великан нехотя отвел остроконечное древко. Отползая от знаменосца, Ракх то и дело поглядывал на стоявших рядом воинов. В конце концов, налетчик добрался до Слейха, который валялся на земле с глубокой раной в груди. Несмотря ни на что, блестящие лохмотья плоти привлекли голодное внимание Ракха.

- Что *это* такое? – прошептал налетчик.

Посеревший лицом вожак с трудом показал рукой. Нечто иное спускалось по восточному склону долины, скрипя попадавшими на пути камнями. Кровавые воины расступались, давая ему дорогу, а знаменосец оставался на месте; всё такой же недвижимый, как истукан, он крепко держал кхорнитский шест.

- Кровь для Кровавого бога... – словно молясь, пробормотал Ракх. Молитвы никогда не помогали, – только не в этих землях, – но привычки былых поколений ещё не исчезли.

По краю низменности прокатились отголоски нового удара грома. Заморосил дождик, капли с шипением падали на извилистые трещины в земле-коже Владения. Налетчик устал в полумрак, одновременно утраченный и привлеченный открывшейся картиной. Неясный ужас теперь повис над всей стаей, даже более жуткий, чем тот, что внушал знаменосец и его обученные убийцы. А затем обладатель *голоса*

выступил из теней, и сердце Ракха заколотилось по-настоящему.

Перед ними предстал настоящий *колосс*, облаченный в такую же искусно сработанную багряную броню, что и его капитан, но каждый фрагмент и пластина доспехов были больше, прочнее, лучше. Всё в этом создании сочилось темной, величественной экстравагантностью, от постукивающих друг о друга черепов на поясе до шипастого бронзового венца, высоко вознесенного над плечами. Верхнюю часть его лица скрывала костяная маска, но на виду оставалась нижняя челюсть – пятнистый клочок кожи, выдубленной годами, раздутой от выпирающих клыков, покрытой шрамами и татуировками в виде змей. Монстр был вооружен двуглавым топором с лезвиями, запятыми старыми потеками, и рукоятью длиннее, чем рост смертного мужчины. У ног его ступала громадная мускулистая гончая с чешуйчатой шкурой, челюстями-тисками и в унизанном шипами ошейнике. Обнажив на Ракха желтые клыки, тварь испустила долгий, пронзительный вой.

Даже в краю столь падшем и разоренном, как Серный Полуостров, встречались владыки, способные внушать ужас совершенно иного порядка. Некоторые из этих гибельных королей столь всецело отдались порче, что их тела испускали её, подобно аромату, отравляя самый воздух вокруг таких существ. Ракх, принадлежавший к самым низменным из паразитов, мало что знал о творениях Бога Резни, но даже он сейчас чувствовал тлетворный смрад, глубоко впитавшийся в душу чудовища перед ним.

Гремя броней, кровавые воины преклонили колени, приветствуя величайшего убийцу в своих рядах. Даже знаменосец склонил шлем, хотя жест вышел странным: показалось, что великан дергает невидимую цепь, которая приковала его к земле и не дает продолжить резню.

– Трекс, – произнес военачальник голосом, от которого у Ракха заныли челюсти. – *Трекс*.

Подойдя к чемпиону, колосс обхватил его голову громадными латными перчатками. Странно задвигался рот под костяной маской, стертые окровавленные губы раздвинулись, обнажив заостренные железные зубы.

– Кровь будет, – пообещал военачальник успокаивающим голосом, в котором всё же звучала сталь. – Ты это знаешь. Ты наполнишь кровью свое брюхо, будешь захлебываться ею. Мы все изопьем вдоволь, так же, как и всегда.

Он потрепал знаменосца по скуле шлема, словно отец – ребенка, и выпустил из хватки. Отвернувшись, колосс вперился взглядом в израненные остатки племени кровавых налетчиков.

– Но не их крови. Они мои.

Неторопливо подойдя к Слейху, военачальник встал над раненым. Единственное, что мог сделать быстро и поверхностно дышавший каннибал – встретить взгляд, устремленный сверху вниз. Наклонившись, колосс оперся громадным топором о скалы и холодно изучил кровавого налетчика.

– Ты вожак, – это было утверждение, а не вопрос, но Слейх всё равно кивнул. Не было смысла утверждать иное.

Подняв оружие, военачальник упер основание древка в содрогающееся горло налетчика.

– Ты был безрассуден.

И огромный воин резко надавил на топор, одним движением сломав шею Слейху. Затем он обвел стаю пагубным взглядом, изучая выживших. Ракх продолжал мысленно повторять ту же самую речевку:

«Кровь для Кровавого бога, кровь для Кровавого бога», надеясь, что на него не обратят внимания и ужас закончится. Даже смерть казалась лучшим исходом, чем муки под взглядом владыки; сердце налетчика как будто заранее раздулось, готовое лопнуть, по шее стекал ледяной пот.

И всё же, с мучительной неизбежностью, гибельный взгляд военачальника добрался до Ракха.

– Знаешь ли ты мое имя? – спросил колосс, и сами звуки его голоса показались клещами, выдирающими кости из тела налетчика.

Ракх сумел покачать головой.

– Меня называли Коргос Кхул, – сказал ему владыка, обвивая слоги черным языком. – Семь военачальников семи крепостей платят мне дань живой плотью, чтобы я не пришел к ним и не вырвал их легкие из недостойных грудей. Моя армия марширует сюда, и сейчас ты видишь только малую долю моих последователей.

Кровавому налетчику хотелось кричать. Он сделал бы всё, всё, что угодно, лишь бы спастись от этих пылающих глаз.

Чуть сгорбившись, Кхул приблизился к Ракху, окутив его нечистыми испарениями плаща. Демоническая гончая кралась у ног хозяина, с голодным оскалом взирая на каннибала.

– Я ищу *последний* череп, – тихо, чуть ли не замурлыкав, проворчал военачальник. – Я ищу вершину своего призвания. Сто лет я ступал по южным землям, и там не осталось никого, кто достоин лезвия моего топора. Разыскивая того, чья смерть завершит великий труд, я низвергал города королей, но находил лишь жалких ничтожеств.

Пока Кхул говорил, перед глазами Ракха кружили образы, втиснутые в его разум злобной волей владыки. Налетчику открывались великие картины, каждая из которых неизбежно сияла догорающим пламенем, рассекалась трещинами магмы, изображала дымящиеся руины или уничтоженные крепости. Он видел марширующие армии, целые легионы в красном и золотом, шлемы которых сияли в зловещем свете беспокойных небес.

И за ними всеми, далеко позади, окутанная вечной ночью и окруженная с боков башнями из кованой бронзы, возвышалась пирамида размером с гору, с неровными, крапчатыми гранями. Только речи военачальника позволили Ракху понять, что сложена она из черепов, тысяч и тысяч мертвых голов, насыпанных высоко и скрепленных прочно. Пустые глазницы их казались искрами тьмы в блеске костей, очищенных от плоти.

У кровавого налетчика закружилась голова. Неужели владыка хотел возложить череп Ракха на эту пирамиду? Очевидно, нет, там уже были тысячи таких же. Зачем же Кхул рассказывал ему всё это? Почему просто не убил его без лишней возни?

– Но теперь звезды привели меня сюда, – продолжал военачальник. – Должно быть, что-то до сих пор обитает в этом месте, некогда известном высокими стенами и достойными мечами. Мне нужно больше душ, Волна Кровопролития должна расти. Я желаю иметь верные глаза в каждом закоулке этого края.

С этим владыка протянул иссушенную временем руку, на пальцах-когтях которой виднелись кольца из темного железа. В двух из них Кхул держал шарик плоти, беспорядочно усеянный мясистыми прожилками. Отблески зеленой магической энергии скользили по его бледной поверхности.

- Невозможно закончить великий труд черепом простого смертного. Я ищу достойное навершие.

Уже догадываясь, что произойдет дальше, Ракх съежился и подался назад. Позади глаз вдруг возникла тупая боль, а века начали выворачиваться наружу.

- Не трепыхайся, пожиратель плоти, - промурлыкал военачальник, убирая топор за пояс и протягивая другую руку за длинным кривым ножом. - Когда закончим с этим, сможешь попить трупом своего бывшего господина.

Кровавый налетчик хотел заорать, но не смог издать ни звука. В его воспаленном разуме повторялась всё та же мантра: *«Кровь для Кровавого бога, кровь для Кровавого бога»*.

Тень Коргоса Кхула пала на него, и Ракх почувствовал, как острие ножа упирается снизу в левое глазное яблоко.

- Ведь отныне ты мой, - выдохнул колосс. - Прими это, как первый знак твоего нового служения.

За воротами земля снова пошла в гору. Почву, словно обгорелую корку, покрывала сетка трещин и провалов. Нечистые воды дельты извилисто струились по темным плато, испаряясь с шипением на открыто выступающих потоках магмы.

Величественная одинокая постройка осталась позади, но беглецы по-прежнему видели её: возвышаясь над всем в округе, она стояла, будто страж, на фоне южного горизонта. Впереди вырастал почти неразличимый горный перевал, приземистый и увенчанный тремя древними башнями. Все они давно опустели, лишились крыш и частично обвалились. Из влажной земли торчала полупогребенная статуя человека с гранитным боевым молотом; рядом валялись куски разбитой головы памятника.

Дождь уже лил как из ведра, набухшие облака как будто беспрерывно озарялись изнутри разрядами молний, заставляя черные скалы вспыхивать серебром. Пенящиеся потоки воды бежали по гравийным руслам, отчего тропки становились скользкими и небезопасными.

- Жуткая будет гроза, - пробормотала Еленнар, глядя в беспокойные небеса.

Сам воздух казался липким, горячим и наэлектризованным. За последний год над выжженными равнинами прокатилось немало грозовых бурь, но в этой ощущалось нечто ужасное.

- Не останавливаться! - рывкнула Калья, скользя в жирной грязи и проклиная не вовремя начавшийся дождь.

Беглецы добрались до башен, которые оказались ненадежным укрытием. От племени осталось двадцать восемь человек, все измотанные и вымокшие до нитки. Самые худые начали дрожать, струйки их пота смешивались с дождевыми потоками. Остальные, толкаясь и пихаясь, пытались как можно ближе подобраться к внутренней стене. Большая часть уцелевших собрались у основания башни, прижавшись к камням в попытке защититься от ливня.

- И что будет, если они нас отыщут? - спросила Еленнар, оседая на корточки.

Пожав плечами, Калья заняла место за стеной; женщина слишком устала, чтобы беспокоиться о незаметности убежища. Они убежали так далеко, как только могли.

Скользнув за камни, Калья рискнула ещё раз посмотреть в сторону арки, оставшейся в полумиле к югу.

Громадина всё так же возвышалась над округой. Дождь яростно стегал её, и казалось, что облака скапливаются над замковым камнем, словно притянутые к нему неведомой, но могучей силой.

На глазах беглянки одинокая молния обвила арку, внезапно озарив статуи вокруг неё. За долю секунды Калья успела разглядеть резные очертания воинов в доспехах, человеческих лиц, драконов и грифонов.

А затем они исчезли, и ливень усилился. Раздались новые раскаты грома, становившиеся всё ближе и громче. Женщина криво улыбнулась, решив, что если кровавые налетчики и не доберутся до племени, его всё равно прикончит сама природа.

Опустившись обратно в грязь, она прижалась спиной к камням и закрыла глаза.

Стоя в центре ущелья, Кхул ожидал подхода остальной части своей армии. Волна Кровопролития, они называли её. Давным-давно военачальник гордился подобным именем – оно родилось из страха, и Коргос наслаждался страхом других.

Впрочем, сейчас владыка даже не мог вспомнить, почему. Все великие битвы закончились. Когда-то Кхул стоял у врат древних крепостей и от всего сердца рычал на укрывшихся внутри смертных, требуя выйти и сразиться с ним. Тогда, в те полузабытые дни, они так и поступали. Их чемпионы выезжали на бой с мраком, облаченные в стальные доспехи, вооруженные двуручными широколезвыми мечами. Коргос бился с ними и убивал их, радуясь каждому мгновению схватки и победы. Некоторые противники были поистине опасными – древние чернокнижники, великие рыцари, могучие воины диких равнин. Когда эти славные недруги погибали, военачальник ощущал потерю и сохранял их головы на память.

Самые старинные черепа висели у его пояса, прочно насаженные на цепи и выбеленные минувшими эпохами. Кхул давно уже потерял счет трофеям, поэтому просто складывал их в жертвенные груды для божественного покровителя, возливал кровь на погребальные костры и смотрел, как они пылают. С каждым годом сила Коргоса росла, всё новые воины стекались под его знамя, и множились костры черепов.

Дары понравились Богу Сражений, и к военачальнику потекли его дары. Из каждой победы рождалась новая; вырезав обитателей Опаленной крепости в недельной оргии кровопролития, Кхул обнаружил в глубочайшем подземелье твердыни топор, которым владел до сих пор. Это оружие способно было прорубать саму ткань, разделяющую миры. Затем Коргос стал единственным, кто сумел одолеть в бою Клеймителя Черепов, и кровавый осквернитель по собственной воле присоединился к быстро растущей орде.

Военачальник улыбнулся своим мыслям. Трекс был настоящим безумцем: ходили слухи, что однажды он с оружием в руках пробился к пылающим ступеням трона самого Кхорна и там вызвал на бой величайшего из Жаждущих Крови. Демон разорвал противника на куски, но Кровавый бог, которому понравилось зрелище, вернул Трекса из мертвых и подарил ему штандарт, призывающий воющее безумие Хаоса в мир смертных.

Кто мог поверить в подобную историю? И всё же, никто не сомневался в могуществе символа, которым владел Клеймитель Черепов – на сотне полей битв таинственная сила, разрывающая завесу, перемещала кричащих обитателей Владений Кхорна в обыденную реальность. Так избранник бога получил ещё одно оружие в свой и без того богатый арсенал.

Но сейчас, после всех побед и триумфов, Кхул почти ничему не радовался. Старые противники сгинули,

их трупы давно втоптали в пыль. С каждым уходящим годом Акши всё надежнее попадало под власть Хаоса, и всё, что оставалось – охотиться на слабаков и ничтожеств. Конечно, были и другие Владыки войны, многие из которых не уступали Коргосу в могуществе, но их смерти не имели смысла, а ведомые ими войны превратились теперь в потасовки за испоганенные развалины. Бог Сражений всё ещё радовался при виде льющейся крови, но его слугам она казалась жиденьким ихором, и бесконечный цикл распрей и вражды медленно превратился в гнетущую повинность.

Услышав топот сапог, военачальник поднял голову. Маршируя с юга, приближались основные силы его орды. Авангардный отряд заполнил долину от края до края сомкнутыми рядами одоспешенных воинов. Над рядами бойцов развевались знамена из содранной кожи, с намалеванными красным символами Кхорна. Солнце этого мира уже заходило, и они шагали с зажженными факелами, злобный свет которых струился к небу, затянутому дождевыми облаками. В иную эпоху Кхул, пожалуй, запретил бы столь открытую демонстрацию мощи, но страх, что какой-то противник обнаружит его армию, давно исчез.

Да и в любом случае, Коргос страшился только неудачи. Его последний погребальный костер черепов, костяная гора, воздвигнутая над опаленными равнинами, окруженная высокими колоннами, которые выплавили из оружия побежденных, ожидал намерения. Венчающий череп следовало оторвать от хребта воина, воистину достойного такой чести. Когда это произойдет, Коргос, вне сомнений, обретет последний Дар – вознесение в демоничество, спасение от утомительной череды приземленных войн. До тех пор он был заперт в нынешнем теле, обречен вечно охотиться на потерянных и проклятых.

Владыка стряхнул оцепенение. Армия не могла долго простаивать в этой долине, нужно было твердо провести воинов через грозу и ущелье, в неизвестный край, лежащий за ним. Возможно, кто-то ещё выжил там, на краю света, кто-то, способный достойно сразиться с Кхулом, заставить его постараться ради триумфа.

Ворчащий Зев издал протяжный вой и нетерпеливо прошелся туда-сюда. Гончая тоже была Даром, полученным после давнишней битвы, о которой у военачальника остались нехорошие воспоминания. Иногда Коргосу казалось, что демоническая тварь – насмешка, напоминание о единственном существе, которое смогло ускользнуть от него. Владыка любил и ненавидел Зева в равной мере.

– Он голоден, – заметил Клеймитель Черепов.

Знаменосец был в угрюмом настроении с того момента, как они отпустили кровавых налетчиков. Схватив Зева за ошейник, Кхул подтянул его к себе.

– Он всегда голоден, – произнес Коргос, грубо потрепав существо по шее. – Пожиратели плоти охотились, так пусть охотятся дальше. Говорю тебе, ты получишь кровь.

Клеймитель Черепов промолчал. Впрочем, он чаще всего неразборчиво хмыкал и ворчал, если только не оказывался в сердце сражения. Тогда из глотки воина вылетал такой рев, что его собственные бойцы отшатывались.

Выпустив Ворчащего Зева, Кхул посмотрел в небеса. Струйки усиливающегося ливня побежали по его щекам.

– У грозы странный запах, – задумчиво сказал он. – Я слишком долго пробыл на юге, может, здесь всегда такие бури?

Знаменосец пожал плечами.

- Ты дал им уйти.

- Я дал им Глаза, - вздохнул Коргос, - и они боятся меня. Налетчики приведут нас к добыче, оставшейся здесь, какой бы она ни оказалась.

Авангардный отряд его армии уже подошел вплотную. Во главе воинов шагал Векх Свежеватель, раздувающий огонь ярости в орде. Магистр боли, с обнаженной головой и кожей, покрытой швами и шрамами, подошел к военачальнику и холодно отсалютовал. Позади Векха резко остановились маршировавшие ряды, бойцы громко прокричали приветствие владыке, загрохотав топорами по щитам. Кхул махнул латной перчаткой, и воины, повинувшись команде, вышли из строя. Разбившись по племенам, они расселись на земле и принялись жевать сырую человечину из заплочных мешков.

- Думал, вы нашли тут стаю крыс? - спросил Свежеватель, оглядываясь по сторонам в поисках следов смертоубийства.

- Я дал им уйти, - ответил Коргос словами знаменосца.

Разочарованный Векх недовольно засопел. Кровавый загонщик очень любил подбирать врагов, выживших после боя. Те, кто попадал в его заботливые руки, жили дольше всех пленников Волны Кровопролития, хотя не сказать, что компания Свежевателя была очень приятной.

- Вам следует знать, - придвинувшись к военачальнику, с хитрецей произнес Векх, - что ваша армия в нетерпении. Они хотят убивать.

Кхул тихо прорычал - это было предупредительное, почти кошачье ворчание, в котором читалась абсолютная угроза.

- Когда закончим здесь, - терпеливо ответил Коргос, - я поведу их обратно на юг. Там смертоубийств будет сколько угодно.

- Но сначала вы добудете этот череп, - улыбнулся загонщик. - Всего лишь один черепок. Как же сложно. Неужели одна голова может быть такой ценной? Если хотите, я подарю вам столько черепов, сколько пожелаете.

- Давай свой собственный.

- Возможно, когда-нибудь, - рассмеялся Векх. - Возможно, никогда.

Клеймитель Черепов зашипел на Свежевателя и резко провел латной перчаткой по древку.

- Трекс злится, - пояснил владыка.

- Разумеется, - согласился Векх. - Вы же дали им уйти.

Но военачальник уже застыл, не обращая внимания на загонщика. Глаза, помещенные Коргосом в кровавых налетчиков, видели то же, что и они, и сейчас Кхул смотрел вместе с ними. Стая нашла ровный участок потрескавшейся земли, старые развалины и пустые врата, ведущие в никуда. Дикари продолжали охоту, направляясь к горному перевалу, увенчанному тремя древними башнями; они чуяли страх смертных.

Интересно. Врата? Очень интересно. Давным-давно, когда мир ещё не стал унылым воплощением поражений, Коргос видел подобные вещи своими глазами, и мифы сплетались вокруг таких старых мест,

словно колдовской свет. Кхул до сих пор помнил сны, приходившие во время гроз, видения, не имевшие конца, но обещавшие многое.

Военачальник *знал*, что посреди голой пустоши окажутся врата, и он *знал*, что кровавые налетчики будут бежать к ним, придавленные сияющей массой грозовых облаков. Кхул видел блеск серебристых молний над северной дугой горизонта и следовал за ним, чувствуя присутствие чего-то постороннего, хотя воины владыки не чуяли ничего, кроме запаха мяса его жертв, пылающих на кострах.

– Поднимай их, – скомандовал Коргос, развернувшись на пятках и зашагав к устью теснины. – Выступаем.

Клеймитель Черепов довольно прорычал, а Векх саркастически поклонился.

– Другое дело, – заметил он. – Я уже предвкушаю крики.

Четвёртая глава

Ракх едва заметил врата. Пришитые глаза истекали кровью, заливая лицо, и боль сводила с ума. Все в его стае точно так же были и страдали. Они мчались быстрее, чем когда-либо прежде, гонимые ужасной нуждой. Им *требовалось* найти, отыскать всех забившихся в щели жалких существ и вытащить их на свет. Теперь они делали это не ради оргий поглощения, но ради Волны Кровопролития, служа его владыке с двуглавым топором.

Молнии хлестали вновь и вновь, освещая развалины холодными вспышками. Он видел, как дрожит и мерцает кладка, каждый удар терзал его побагровевшие глаза. Налетчики пробежали сквозь врата, промчались мимо их огромного подножия, принимаясь и тяжело дыша, следуя за запахами отчаяния.

Впереди них ждали три башни, промокшие и освещаемые ударами молний. Там были смертные – костлявая добыча. Кхул хотел, чтобы они вытащили их наружу и заставили скулить. А потом они будут бежать вновь, ища и принимаясь, ища что-нибудь достойное топоров Волны Кровопролития.

Ракх взбирался по скату. Он видел на стене впереди движение – смещались тени, поднималось оружие. Если бы не мука, то он бы захохотал, ведь такие приготовления ничем не помогли бы спрятавшимся за стенами. За ним следовали прочие налётчики, шипя проклятия, зная, что смертным больше некуда бежать, а потому и не пытались скрыться.

Наконец-то будут убийства. Наконец-то их крючья и долота глубоко вопьются в свежее мясо, которое они потащат к хозяину, и тот выберет лучшее. Оглушительный удар грома расколол небеса пополам, и Ракх пошатнулся. Он посмотрел вверх, подставив лицо хлещущему дождю, и впервые заметил, что происходит с небом. Над вершинами трёх башен возник огромный круг, подобный водовороту в штормовом море, вращающийся, набирающий силу. Молнии били непрерывно, скручивая, раскалывая и превращая небо в буйство красок, расчерченных серебряной паутиной.

И нечто ужаснуло Ракха до глубины души. Он как будто снова смотрел в безжалостное лицо Кхула, но теперь страх был другим – резким, холодным...

Ракх отпрянул назад. Он не мог отвести свои новые глаза от света, становящегося всё ярче и ярче. Капли дождя отскакивали от камней, его хлестали порывы ветра. Всё сверкало, сияло и горело.

Налетчик попятился, соскальзывая вниз. Порыв, приданный ему Кхулом, исчез, сменившись иным ужасом.

Вновь ударил гром, и в этот раз содрогнулась сама земля. Каменные плиты вздыбились, угрожая открыть реки бурлящего подземного огня. Арку врат охватило пламя, растёкшееся по голым камням, горящее синим, словно болотный газ.

А затем Ракх бросился бежать, словно заяц, туда, откуда пришёл. Это была не естественная гроза, но нечто порождённое демонами и посланное из бездны безумия поглотить их всех. Всё вокруг смещалось, срывалось с привычных мест стихийной яростью небес. Налетчик рухнул на колени, выронив топор. Затем он почувствовал жар. Он расходился сквозь дождь, испаряя влагу, насыщая воздух паром. Ракх закричал, но его голос заглушил ужасающий удар первозданных сил. Казалось, что сам мир разорвали на части и выковали заново – повсюду был свет, обжигающий глаза и белый от жара. На мгновение Ракх подумал, что сейчас он сгорит заживо, но затем вспышка потускнела так же внезапно, как и появилась.

Трясаясь и дрожа, он посмотрел наверх. Сначала он не замечал ничего из-за тумана в глазах.

Но затем налетчик увидел, что принесла гроза.

Когда разразилась буря, как раз Кхул вёл свою армию через расщелину. Теснина была слишком узкой для его одоспешенных воинов, и потому владыка воззвал к своей силе, выкрикнув слова вечного могущества и высоко подняв топор навстречу жуткой ночи. Его бог ответил, сотрясая и перекраивая землю вокруг. Края теснины содрогнулись, потрескались, а затем разлетелись градом каменных осколков. Грохот взрыва эхом разнёсся по равнине, и перед ним открылся широкий проход, путь, словно пробитый могучими руками.

Коргос расхохотался, упиваясь своей силой. Даже камни под ногами повиновались воле его тёмного покровителя – вскоре он получит и последний Дар, присоединится к легионам вечной резни.

Его воины ринулись вперёд, выкрикивая его имя грубыми голосами.

- *Кхул! Кхул! Кхул!* – кричали они, переходя на бег, срывая топоры с примотанных к броне цепей, размахивая сжатым в кулаках почерневшим от проклятий оружием. Под треск шипастых кнутов и крики вождей банд, воинство проломилось через сухое ущелье, хлынуло сквозь пробитую между утёсами брешь и узрело равнину, усыпанную развалинами.

Военачальник лично вёл их вперёд, и Зев вприпрыжку бежал рядом с ним, и потому он первым увидел выпущенные в небо широкие нити волшебства. Актиническая буря бушевала вокруг вершины врат, владыка каждым своим мускулом ощущал высвобожденные энергии. В прошлом здесь уже призывали губительные грозы, некоторые из них даже по его воле, но этот был совершенно другим. Даже дождь казался иным – холодным, зернистым, словно полным крошечных алмазов.

Огрубевшее старое сердце Коргоса забилося чаще. Здесь творилось некое великое колдовство, такое, которого он никогда не видел прежде. Рык, почуявший разгорающийся боевой гнев, яростно залаял.

- *Вперёд!* – прогремел Кхул, ободрённый всем, что видел, слышал, чуял...

Волна Кровопролития хлынула вниз по длинным скатам из обломков и щебёнки, расходясь вокруг своего хозяина, быстро спускаясь на равнины. Их знамёна были подняты навстречу бурлящему небу, святые знаки Кхорна воздеты над рядами железных шлемов, уже блестящих от дождя. Роты кровавых воинов, толкаясь, маршировали к подножию врат, распевая литании Богу Сражений. Векх Свежеватель гнал их вперёд, ударами кнута подгоняя к новым высотам ярости. А за ним разносились зловещие крики, которые вырывались из челюстей, что были шире, чем у любого кровавого воина, доносились откуда-то

из центра орды от существ, ещё скрытых ночными тенями и тусклым огнём.

Сам Кхул остался на утёсе над равниной, глядя на просторы. Он видел древние развалины и разбитые стены осыпающихся от старости городов, далёкие следы забытого апокалипсиса. Бронзовая икона Трекса уже горела злым огнём, питаясь пылающей вокруг энергией. Кхул стоял на вершине каменного утёса, прищурившись. Он смотрел на огромную арку, оценивая её очертания, выделяя руны на перемычке. Давно он не видел таких рун – они должны были исчезнуть, как и их создатели. Сам их вид наполнил его новой жадью боя, само их существование становилось дерзким вызовом. Он повергнет их одну за другой, вырвет из камней своими руками.

Далеко внизу строились всё новые его батальоны, покрывая чёрную землю красным ковром. Когда же вниз спустились последние, то над равниной разнёсся грохот, такой, словно раскололись кости земли.

Военачальник расхохотался. Он не мог удержаться. Колосс широко развёл руки, и молния ударила его по сжатым латным перчаткам.

- Я – Коргос Кхул, Владыка Земли! Покажитесь, ткачи грозы, испытайте свою мощь против достойного врага!

Буря словно взбесилась. Вихрь кружился всё быстрее, завывая вокруг врат, ставших его центром. Вновь ударил гром. Из земли фонтаном забило пламя, изрыгая маслянистый дым. В воздухе запахло озона, дождь испарился, поднимаясь к шипящим облакам. По земле прошёл низкий рокот, отчего скальные плиты треснули и заскрежетали. Казалось, что под поверхностью мира ворочаются великаны, пробуждаясь от векового сна, чтобы снова ворваться в мир живых.

Последовала ослепительная вспышка света, заставив воинов отвернуться и прикрыть шлемы ограждающими жестами. Знамёна пошатнулись, умолкли боевые кличи, а затем с небес хлынуло серебряное пламя. Завыл сам воздух, разрываемый колдовством столь сильным и чистым, что оно раскололо и перековало сами стихии. С небосклона обрушились сверкающие стрелы, глубоко вонзившиеся в землю. Вой ветра стал оглушительным и разнёсся по дрожащей земле, сгибая железные растения. Врата словно раздулись, выросли, возвысились к набирающему силу вихрю. Даже когда земля вокруг содрогнулась, а неистовый ветер поверг полчища на колени, огромная арка продолжала стоять стойко и непреклонно, высеченная из самих костей мира и в свете яростной бури сверкающая, словно обсидиан.

На ногах остался лишь сам Кхул. Он широко развёл руки, приветствуя гнев стихий, и расхохотался, чувствуя, как жаркий ветер треплет плащ. Коргос высоко поднял топор, и молния вцепилась в него, скользнув по его грозному клинку.

И поэтому лишь военачальник увидел, как пришли они. Кхул смотрел, как их приносят из бури белосиние стрелы, как они вырываются из вихрей сверкающего колдовства. Видел, как они падают из сердца кружащейся бури в ослепительно сияющих коконах света. Как они обрушиваются на землю с сокрушительной силой, как вокруг мест падений вспыхивают купола энергий, окутывающие их неистовым сиянием, а затем раскалываются, и во все стороны на выжженную землю летят осколки кристаллической материи, открывая отпрысков бури, принесённых гневом небес.

Они были высокими, выше величайших из смертных людей, облачёнными в чистейшее золото и с боевыми молотами, окутанными ореолом энергий. На них были маски, такие же золотые, как и доспехи, бесстрастно глядящие на опустошение вокруг. За спинами одних раскрывались жемчужно-белые крылья, уносящие их в небо, едва они приземлялись. Другие выходили из разбитых коконов, двигаясь

плавно, несмотря на вес колдовских доспехов. Каждое их движение было идеальным, отточенным до совершенства и наполненным богоподобной силой. Они выступали из остатков молний, принёсших их в этот мир, взвешивая и поднимая своё оружие с жуткой гидравлической силой.

Один из них нёс огромное знамя из золота и костей, а лицо его было скрыто под суровым образом черепа. Другой взмыл в терзаемое бурей небо на крыльях, ещё окутанных ослепительной аурой сошествия. Значит, вот какими были их лорды, владыки странных изгнанников небес.

Но Кхул видел, что у воинства был лишь один истинный предводитель. Он спустился первым и вышел из разбитого купола прежде всех остальных. Коргос смотрел на него с голодными глазами. Из всех воинов лишь он не шёл по земле Серного Полуострова, а ехал на спине огромного зверя со шкурой цвета тёмного кобальта и челюстями длиной с человека. Плащ наездника, раздуваемый порывами бури, был сапфирным, словно ясное небо, а на шлеме сверкал позолоченный гребень. Его броню украшал блистающий орнамент в виде молота и кометы, а в руках воин, как и его выходящие вокруг братья, нёс самое разрушительное из оружий древности – боевой молот с багровой рукоятью, украшенный позолотой.

Едва Кхул увидел его, как вспомнил, каково это – встретиться с достойным врагом. Он увидел мощь окованных сталью рук, мастерство, с которым создана золочёная броня, и понял, что это враги, каких он ещё никогда не видел прежде. Сквозь глазницы масок сиял свет неосквернённых звёздных царств, а каждое движение выдавало хладнокровие и уверенность в победе.

Но в воине-наезднике, приковавшем к себе его взгляд, было нечто другое... Кхул слышал, как рычит его гончая, и вспоминал другую битву, случившуюся целые жизни назад; она оборвалась после удара молнии – такой же, которая возвестила это сражение.

Таково быть не могло – просто невозможно, их разделяло слишком много времени и пространства – но чувствовалось всё так же, инстинкты говорили, что происходит то же самое.

К тому времени армия Коргоса уже приходила в себя. Его упавшие воины вставали на ноги, трясая головами, чтобы избавиться от звона, поднимали топоры, вспоминали, как кричать от ненависти и жажды убийства. Клеймитель Черепов шёл среди них, поднимая воинов, чтобы сокрушить принесённых грозой. Векх был быстрее, и уже бежал к трём башням, размахивая хлыстами. Каждый удар, приходившийся на спину кровавых воинов, вырывал их из ступора и вновь наполнял жаждой резни, гонящей через равнину к воротам.

Кхул вновь захохотал. Он воздел топор, и извивы молний окутали выкованное в аду железо.

- *Кровь для Кровавого Бога!* – прогремел он, отчего воины вокруг зарычали от неистовой ярости, давясь слюной. – Избранный череп на костёр его славы!

Он склонил топор, указывая на владыку принесённых грозой, зная, что его смерть сломит хребет сверкающего воинства до конца ночи.

- Ты! – взревел Кхул. – Тебя я заберу лично!

Переход через пустоту был подобен смерти. Ничто, кроме Перековывания, которое он прошёл так давно, не могло сравниться с этой растягивающей болью. Он видел глубокую тьму во всём её плутоническом величии, растянувшуюся в вечность над сводом холодных звёзд. Во время перехода он видел вырванные образы других царств, мерцающих россыпью на небосклоне. Видел дома из разбитого камня,

разросшиеся леса, кричащие башни из многоцветного безумия. Всё было разным и в то же время одинаковым, искажённым по зловещей воле, превращённым в многоликий ад и лишённым надежды.

Затем видения оборвались, сменившись чистым пламенем падения. Он закричал, чувствуя, как молния проходит через его тело, обжигая вены, сочится из глаз, изо рта, с рук. Слишком поздно он вспомнил, как это было в первый раз, когда Бог-Король забрал с полей обречённых битв ушедших времён тех, кого счёл достойными вознесения.

А потом боль исчезла, и он почувствовал, как вокруг проступают Владения Огня. Услышал рёв бурь и почувствовал едкий дым бесконечных костров. Вокруг него раздулся кокон небесной силы, сквозь полупрозрачную завесу которого виднелись тусклые очертания огромных руин.

А затем купол лопнул, рассыпался дождём искривлённых осколков. Ванд впервые вдохнул воздух Акши. Он вкусил его, услышал грохот, почувствовал непостоянную дрожь под ногами.

Всё изменилось до неузнаваемости, так, что он не узнал это место, даже если бы его сны о прошлой жизни не были бы такими обрывочными. Небеса скрылись за пеленой грязных облаков, землю раскололи реки кипящего пламени. Величие осталось лишь в грозе, отзвуке чистоты Небесных Владений, всё остальное было осквернено. Целые жизни назад он видел, как безграничная тьма охватывает и терзает этот мир. Видел легионы, марширующие под кроваво-красными знамёнами, слышал, как вопли их жертв разрывают небо. Видел медные города, где пирамиды ободранных до чиста черепов становились алтарями богов, чья победа казалась неизбежной. Даже теперь так далеко во времени и пространстве он мог вспомнить, как умер мир. Все сухие равнины и скалистые горы были захвачены, поглощены ненавистью, что была древнее камней...

Столь многое исчезло. Он не знал, как давно это произошло, ни сколько он прожил в царстве смертных до того, как Бог-Король счёл нужным забрать его к себе, но в Зигмароне он видел сны о старых домах из камня и соломы, где жили все те, кого он знал в былой жизни. Он всё ещё видел их лица, лица воинов, которые ехали с ним на битву, когда небо осветило пламя, и банды пришли из ада. Многие воспоминания были драгоценными – лица тех, кто сражался дольше и яростней, тех, кто последовал за ним в пустоши и жил среди волков, когда омрачился свет самого солнца.

И одно лицо из тех лет никогда не покидало его – лицо женщины, бывшей таким же воином, как он, той, с кем Ванд делил душу. Он мог ясно вспомнить лишь её, но забыл даже имя. Её кожа покрылась шрамами, как и у всех, потемнела от грязи постоянных боёв. Лицо было суровым, осунувшимся от тягот бесконечной войны, но когда она улыбалась, то в её тёмных глазах сверкал свет звёзд.

Но теперь всё исчезло, сгорело в белом пламени Становления. Этот мир, эти лица – всё было выброшено из памяти, осталось лишь отражение, искажённое, ставшее ужасом сильнее всего, что он мог представить.

Вокруг спешно занимали позиции его воины. Она знали немного о том, что следует ожидать, кроме примерного местоположения врат и вероятного сопротивления сразу после прибытия. Это предположение оказалось верным. На них надвигалась огромная армия, спускавшаяся с дальней гряды и растекавшаяся по равнинам к югу от мест падения. Орда перед ними в десятки раз превосходила авангард Ванда, и даже рота Вечных со временем может пасть перед таким натиском. Теперь их задачей – единственной задачей – было продержаться достаточно долго, чтобы открыть Врата. До этого они были сами по себе. Когда же врата откроются, то через них можно будет послать целые легионы их братьев, и тогда война начнётся всерьёз.

Ванд видел, что его капитаны уже исполняют свои обязанности. Иона вёл Воздаятелей с высот к огненному ущелью. Они должны будут удерживать позиции вокруг основания портала, и там странные силы Склепорождённого будут испытаны как никогда ранее. Анакт поведёт небесное воинство ввысь, в грозу и бурю, откуда начнётся натиск на магические береги.

Что же до Ванда, то с ним направляются основные силы грозового воинства – Освободители, призванные атаковать в сердце наступающей орды, дать ей бой, которого никто не мог дать бесчисленные годы. Их задачей было вступить в бой с величайшими из тварей Хаоса, не дать им прорваться к вратам, отразить натиск и добыть драгоценное время.

Ванд окинул взглядом полчища врагов и ощутил прилив боевой энергии. Орда была огромной, рёв и крики уже оглушали, но от желания принести возмездие священным молотом его сердце билось чаще. Он поднял Гельденсен, а Каланкс широко распахнул челюсти и издал металлический рёв.

- Ко мне, братья мои! – закричал Ванд. Вокруг него замелькали чистые молнии.

Они ответили на зов, стряхнули последние клочья пустотной молнии и выстроились в золотые фаланги. Дождь падал на броню, но не мог заставить её потускнеть. Среди поверженного мира они сверкали словно топки, в которых сгорит порча, позволив спасти немного уцелевшее.

Каланкс взревел вновь, его могучие лёгкие извергли вдаль дым и пар. Дракот вздыбился, готовясь ринуться в самое сердце стоявшего перед ними воинства, но Ванд задержал его, желая сначала окинуть взглядом врага, сначала оценить боевой план, а уже затем начать атаку.

Среди наступающих орд воинов в багровой броне некоторые выделялись заметнее остальных. Он видел идущего в сердце орды могучего чемпиона, несущего медный знак Падших Богов. Видел повелителя зверей с открытой головой, хлещущего окровавленную спину огромного существа, видел сверкающий в его глазах свирепый экстаз.

Этот доберётся до него первым, и потому Ванд молча отметил его для поединка. Однако не они были величайшими из хозяев орды. Был ещё один, расположившийся высоко на склоне южного утёса, одиноко стоявший перед тесниной в скале. Даже с такого далёкого расстояния Ванд чувствовал переполняющую его силу, давящую и зудящую, словно рана в реальности. Он был владыкой орды, и лишь его воля направляла их на войну. Даже сейчас, когда звала битва, Ванду было сложно оторвать взгляд от тёмного чемпиона.

В это мгновение он увидел образ былых времён – деревню, горящую, кишашую воинами в доспехах, похожих на стоящих сейчас перед ними. Видел молодого воина – светловолосого, с проседью, покрытого сотнями ран – бегущего в бой с вождём, вооружённым двухлезвийным топором.

И впервые за все забытые эпохи он вспомнил своё имя.

Чёрный Кулак. Венделл Чёрный Кулак.

На другой стороне разделявшего их простора вождь в череполиком шлеме опустил топор, указывая прямо на него. Ванд ощутил удар его холодной злобы, словно настоящий выпад. В его разуме пронеслись старые смертные чувства, которые, как он думал, давно были изгнаны. Но он был Перекованным. Эти сны ушли и никогда не вернуться. Осталось лишь возмездие, очищающий жар священного пламени, воздаяние забытых времён.

- К оружию! – взревел Ванд, подняв молот и сдвинувшись на подавшемся вперёд дракоте. – Настал час!

Повергнем их с ходу, и да направит вас возмездие Бога-Короля!

Согласно взревав, грозное воинство устремилось вперёд, все Вечные атаковали как один сомкнутыми золотыми и небесно-синими рядами, намереваясь сокрушить авангард врага высвобожденной яростью Небесных Владений.

Анакт, владыка небесного воинства, высоко взмыл в небо и закричал от радости, поднимаясь ввысь. За ним следовали его Обвинители, разминающие крылья и наслаждающиеся, выпуская давно сдерживаемую мощь.

Повсюду вокруг бушевала буря. Яростные ветра мотали их из стороны в сторону, угрожая сбросить и разбить о камни. После первого ликующего полёта они держались ближе к земле, паря достаточно высоко, чтобы видеть раскинувшееся внизу поле боя.

Врата находились к югу, меньше чем в километре от них. К их подножию уже бежали воины Хаоса, не ведающие предназначения здания, но узнавшие в нём твердыню. Иона вёл к ним Воздаятелей, и скоро у массивного подножия начнётся битва.

С небес ударили новые столпы света, выпуская последних отправленных через пустоту Обвинителей из сверкающих куполов. Их было так мало, что они казались рассеянными точками звёздного света перед лицом вечной ночи. Против мчащихся и тяжёло идущих к ним чудовищ авангард казался пугающе слабым, хрупким.

Анакт расхохотался, ударив крыльями, подбросившими его обратно в небеса. Возможность испытать своё мастерство против такой бури грела его душу. Небесные Владения были раем, где даже самые обычные башни украшали драгоценности, но здесь всё оказалось иначе, здесь жила опасность, заволашевающая Анакта, как и его быстрокрылых братьев.

Он услышал, как владыка Ванд отдал приказ наступать, увидел, как освободители принимают боевое построение. Последние из воинов самого Небесного Шлема вырвались из кристаллических коконов и устремились к его воздушному авангарду.

- Быстрее и ещё быстрее! – заговорил Анакт, обращаясь к кружащим вокруг обвинителям. – Врата ждут – вы знаете свою задачу!

Хлопая крыльями, небесные воители развернулись в воздухе и спикировали вниз, летя через поле боя к арке.

Иона не чувствовал предвкушения битвы. Он вышел из бушующей грозы с всегдашним холодным пренебрежением. Пламя и молнии ничего для него не значили, ведь они были лишь ускользающими тенями в сравнении с жутким искусством, дающим ему силу.

Полные ярости боевые кличи становились всё громче. Кровь с обеих сторон горячила, кипела в венах всех воинов, державших оружие. Её зов казался лепетом Ионе, всегда говорившему шёпотом и взглядом своим выражавшему лишь бесконечный покой.

По приказу Ванда он тяжело направился по склону к подножию Врат. По обе стороны от него раскинулись развалины великих зданий, разрушенных в забытых войнах. Его не заботили и они – Владения Огня никогда не были его землями. В эту битву его привёл лишь долг, долг, возникший, когда

Бог-Король погрузился в самые глубины Аметистовых Владений и вырвал его из пасти предначертанного забвения.

Если так будет угодно судьбе, то однажды ночью он возвратится в залитые лунным светом свободы места, где небеса никогда не тревожит солнце, а среди вечных теней обитают души убитых.

До тех пор он будет служить грозовому воинству своими тайными силами, повелевая сами законами, приковывающими души к плоти. Нет, лорду-реликтору пойдёт не позолоченный молот, а костяной реликварий, через который проходят эзотерические энергии самого Шийша.

Таковыми же были и сопровождающие его Воздаятели – мрачные, непоколебимые, не разделяющие безрассудства Обвинителей или бравады Освободителей. Вместе с ним они будут противостоять порождениям кошмаров, покуда хотя бы один из них будет дышать, выстроившись золотой линией вокруг подножия портала. Его задачей было удерживать Врата и не дать орде прорваться к ним до того, как всё будет сделано. Ванд станет наступать, в надежде проложить клин в сердце орды и связать боем её чемпионов, а Склепорождённый будет удерживать кордон вокруг портала. Эта задача сполна подходила его холодному сердцу – безрассудная доблесть приносила мало пользы, а стойкость означала всё.

Подгоняемые кнутах погонщиков и собственной кровавой яростью, первые ряды врагов уже бежали к нему, их шок стихал, а в небесах продолжала бушевать гроза. Иона смотрел, как они идут, но не улыбался под маской смерти. Он вспоминал клятвы, которые принёс, старые и суровые, словно могила, и обязывающие его служить тому, кто обещал освобождение его любимой земли теней.

Когда первые враги приблизились достаточно близко, Склепорождённый высоко воздел костяной знак обеими руками, чувствуя холодный вздох стягивающихся неестественных ветров.

- До самой смерти, - прошептал Иона и шагнул в пасть ненависти.

Глава пятая

Ракх, который никак не мог поверить в увиденное, съезжился, как и все остальные кровавые налетчики. Мгновение назад они бежали по следу перепуганных смертных, а затем сами небеса распались на части, и безупречные золоченые создания устремились из разломов в вышине.

Пригнувшиеся каннибалы видели, как земля взрывается облаками каменных осколков. Вспыхнул серебристый купол, ярко, словно звездный свет, и разлетелся тысячью кружащихся фрагментов. Из-под свода возник золотой воин, огромный и величавый, с белыми перьями, которые простирались в стороны, будто гибельная тень ангела мщения. Гигант высоко воздел боевой молот, и молния, приветствуя его, обвилась вокруг рукояти. Буря шумно прогрохотала, сам воздух зазвенел от странного колдовства, и ангельский воин ринулся в сердце грозы, уносясь в вышину посреди безумной пляски света и пламени.

Закричав от ярости, Ракх потянулся за секачом. Другие члены стаи тоже приходили в себя и поднимали оружие ещё неловкими руками. Возможно, кровавые налетчики и были низменными пожирателями плоти, но они выросли в мире, где выжить мог только сражающийся. Увидев угрозу, стая всегда наносила ответный удар.

- Не их! - заорал Ракх, останавливая собратьев от атаки на основные силы золотых воинов. Эти враги,

уже совершенно освоившиеся, строились побатальонно и готовились выдвинуться в долину рядом с Вратами. Их оказалось слишком много, да и броня их была пугающе превосходной. – Стащим птичек с небес!

Крылатые недруги выглядели более легкой мишенью: они не сводили глаз с арки, не обращали внимания на тех, кто ползал по земле, но парили достаточно низко. Летунов можно было схватить, их появилось меньше, и они казались не такими крепкими, как остальные.

Выжившие налетчики, повинуясь приказу, последовали за Ракхом к вершине гряды. Они двигались незаметно, скрытые плывущими облаками подсвеченного изнутри дыма, невидимые для золотых воинов, паривших на высоте чуть больше человеческого роста.

Приблизившись к врагам, Ракх поверил, что всё ещё может получиться. Он заметил одного из ангелов, который только что появился из-под молниевых куполов; летун ещё поблескивал от неизвестной магии, призвавшей его, и невысоко поднялся над землей.

– Взять его! – прошипел налетчик братьям по стае, и вместе они бросились на неприятеля.

Ракх нанес удар в прыжке, метя с размаху по лодыжке волочащейся ноги воина. Толстый клинок попал в цель, угодив по доспеху над пяткой и заставив крылатого врага вскрикнуть. Ангел попытался набрать высоту, но тут же подскочили остальные кровавые налетчики. Подпрыгивая высоко, как только могли, они пытались схватить летающее создание. Кистени и крючья на длинных цепях врезались в позолоченную броню, и стая потащила неприятеля вниз, к себе.

Надежно поймав воина, кровавые налетчики обрушились на него хищной толпой, обхватили за ноги и потянули к земле. Ракх цеплялся за нагрудник ангела, пытаясь добраться до горла. Он мельком заметил взгляд золотой маски, – безразличный, словно и не было отчаянной смертельной схватки – а затем противник сбросил каннибала.

Небесный воин оказался невероятно силен. Несмотря на дюжину глубоких резаных ран, нанесенных лезвиями топоров, он продолжал сражаться и даже пытался взлететь выше. Взмахом боевого молота, зажатого в одной руке, ангел отбросил троих налетчиков, изломанные тела которых покатались по земле. Ударом ноги гигант начисто оторвал голову ещё одному каннибалу и почти вырвался.

Ракх атаковал вновь, резко рубанув секачом по нагруднику существа. Железное лезвие коснулось металла, но отскочило, оставив лишь царапину на безупречной поверхности. Кровавые налетчики, дравшиеся всё безрассуднее, пускали пену от ярости и пытались стащить жертву на землю.

Представив, как вгрызается в здоровую плоть, а не изъеденные червями хрящи, Ракх пришел в голодное неистовство и снова прыгнул на врага. В этот раз его вытянутые пальцы нашли зацепку, – поясную перевязь воина, – и налетчик изо всех сил потянул ангела вниз. Остальные члены стаи пришли на помощь, накидывая цепи на руки и ноги врага и подтаскивая к себе. Топоры и секачи обрушились на золотого гиганта, врезаясь в броню, раскалывая её.

Впервые учуяв запах льющейся крови существа, Ракх понял, что через несколько мгновений вцепится зубами в его плоть. Он сорвал с шеи воина кольцо подшлемника и распахнул челюсти, выбирая, куда вгрызться.

Мгновение спустя в налетчика вонзился сокрушительный разряд молнии. Ракх отлетел в сторону с дымящейся грудью, от безрукавки остались только горелые лохмотья. У него кружилась голова, мутнело в глазах; тяжело хватая воздух от боли и шока, дикарь кое-как подобрал оружие и попробовал встать.

Полетели новые разряды, каждый из которых трещал подобно шаровой молнии, а затем взрывался с резким грохотом. Этот залп заставил толпу налетчиков рассыпаться, причем несколько собратьев Ракха уже не встали после прямых попаданий. Сам он всё же поднялся и по-прежнему ослепшими глазами взглянул в небеса.

Ангелы, пролетая на малой высоте, метали разряды энергии в самую гущу противников. Приспособившись к ураганным порывам ветра, воины проносились по воздуху размытыми пятнами золота и сини, неуловимые, недостижимые, пылающие гневом.

Тот, кого дикари притянули к земле, сумел выпрямиться, не переставая размахивать боевым молотом и крушить черепа кровавых налетчиков. Держа секач двумя руками, Ракх заковывал в атаку, твердо вознамерившись забрать с собой в могилу хотя бы одного из этих проклятых летунов.

Ангел, по доспехам которого текла кровь, повернулся к нему и раскрыл ладонь в латной перчатке. В Ракха врезался шар белого огня; на сей раз пламя прогрызло остатки его защиты и углубилось в грудь. Закричавший налетчик повалился навзничь, бесцельно хватаясь за языки пламени, сжигающие его плоть.

Распростертый на земле, агонизирующий Ракх бессильно смотрел, как потрепанный в схватке гигант взмывает в небо, раненый, но всё ещё способный сражаться. Его товарищи тем временем снижались и приземлялись посреди вспышек жаркого звездного огня, вылетающих из их рук. Другие оставались в воздухе, но проносились над равниной достаточно низко, чтобы крушить молотами спины удирающих кровавых налетчиков.

Несмотря на страшную дурноту, Ракх издал горький смешок. Они пытались уложить одного из летунов – *одного!* – и потерпели неудачу. Теперь же вся стая каннибалов испытывала на себе удары возмездия этих странных и грозных воинов. Уже через несколько секунд всех налетчиков должны были перебить.

Ракх поднял голову как раз в тот момент, когда одно из золотых созданий направилось к нему. На этот раз спасения не было: налетчик едва мог пошевелиться, и онемение почти целиком охватило его руки и ноги. В миг последнего вздоха он успел только поразиться случившемуся в долине.

«Что же они такое?»

Но никто не ответил, лишь ангел метнул свой огонь, и жестокий мир Ракха исчез во вспышке боли.

Векх распознал угрозу быстрее всех. Пока остальные воины моргали, глупо таращась на небесные явления, Свежеватель схватил плетень и призвал звероподобную тварь из самого сердца орды.

Во время долгого перехода на север громадину держали на привязи, усмирив железными цепями, которые были откованы в глубине кузней Кхула и усилены заклятиями. Погонщики заманивали и тянули тварь за собой, не подходя близко, поскольку знали, на что она способна. Чудище ярилось на них, отмахивалось когтистыми лапами, пытаясь сбросить металлический ошейник и кандалы, а Векх всё время шагал рядом, нашептывая зверю слова, приводящие в исступление, раздувая пламя, вечно горящее в его сокрушенном разуме.

– Скулдрак! – крикнул Свежеватель, когда огни начали падать с небес, единым словом расковав цепи громадины и призвав кхоргората к себе.

И тот явился. Несмотря на страдания, несмотря на безумие, зверь всегда приходил на зов, повинуюсь

приказам своего мучителя и давя по пути меньших созданий. Пробившись через плотную, многочисленную орду толкающихся воинов, создание вновь обратило глаза с покрасневшими веками на творца его агонии.

Истинное чудовище, Скулдрак превосходил в холке даже самых крупных боевых тварей Волны Кровопролития. Мускулистые ноги, толщиной с древесные стволы, поддерживали колоссальный торс и абсурдно громадные руки, заканчивающиеся толстыми пальцами шириной в тело человека и с железными когтями. Над мощными плечами выступала великанская костистая голова с клыкастыми челюстями, покрытая железными метками благоволения Кхорна. В моменты, когда кхоргорат ревел, плюясь разверстой пастью и заглушая любые звуки битвы, находившиеся рядом воины испытывали вдохновение, которое возносило их к новым вершинам неистовства.

Скулдрак был собственностью Векха; целую жизнь назад Свежеватель пытками заставил его покориться, и теперь чудище, как и вся прочая орда, повиновалось плети кровавого загонщика. Зверюга могла выносить феноменальные муки, и хозяин пользовался этим при каждой возможности, растравляя в кхоргорате безмерную боевую ярость, превращая и без того дикое, злобное создание в живую машину беспримесной резни.

Воссоединившись, эти двое – кровавый загонщик и тварь Хаоса – понеслись по открытой равнине. Хотя основная масса Волны Кровопролития ждала приказов Кхула, Скулдрак грузно топал вперед, рыча сквозь кровавую дымку в глазах, рожденную глубоко впивающейся плетью. Самому Векху приходилось бежать со всех ног, чтобы не отстать, поскольку освобожденное чудище поражало не только громадностью, но и невероятной быстротой.

Свежеватель управлял своей жадой битвы намного лучше, чем зверь. Он видел, как располагаются враги, и выбирал наиболее удачное место для удара. Такие доспехи Векх раньше не видел, незнакома ему была и магия, разряды которой мелькали в рядах неприятелей, но загонщик знал, что у каждой армии есть повелители. Если прикончить их, рядовые, возможно, дрогнут. Волна Кровопролития не знала поражений, её имя с тихим уважением шептали даже те, кому явно благоволил Кхорн; но, возможно, этой ночью божественная удача отвернется от армии Кхула.

Приблизившись к передовым воинам сверкающей военной банды, Векх без труда распознал их вожака – рыцаря в шлеме с гребнем, восседающего на какой-то драконической твари. Другие бойцы воинства, здоровяки в более тяжелой броне, уже вышли из строя и направлялись к разрушенным Вратам, оставив фланги неприкрытыми. Свежеватель решил, что это непростительная ошибка: руины не могли послужить надежным оплотом, к тому же враг, чтобы занять их, слишком рассредоточивал силы. Если удастся сразить шлемоносца на драконе, вся схватка закончится жестоко и быстро, а затем последуют лишь долгие часы пыток.

– Скулдрак! – рявкнул Векх, самозабвенно щелкая шипастой плетью. – Вон тот! Сокруши его, и твои муки прервутся!

Издав мучительный рык, великан шумно понесся к увенчанному молниями вожаку. На глазах Свежевателя золотой рыцарь, заметивший атакующего врага, развернулся в его сторону. Создание под седлом шлемоносца было могучим, его чешуйчатую голову окутывали языки пламени, а цепкий хвост метался, словно плеть самого Векха. Впрочем, драконический зверь намного уступал в размере кхоргорату, и его не подгоняла глубочайшая демоническая ярость.

Противники сблизилась вплотную, но Свежеватель не прекращал нахлестывать Скулдрака, разгоняя его

до немыслимой скорости. Из плеч великана вырвались костистые щупальца, которые потянулись к драконьему всаднику, готовые сорвать его с седла и переломить хребет.

Когда тень кхоргората пала на рыцаря, тот издал боевой клич и воздел огромный боевой молот, словно тростинку. Описав дугу, оголовье, испускающее ослепительный свет, тяжело врезалось в бок приблизившегося Скулдрака.

Прозвучал раскатистый грохот, и яркие серебристые лучи прянули из места столкновения. Несмотря на свой вес и взятый разбег, отброшенный кхоргорат вынужденно присел на корточки, глубоко пропахав копытами скалу. Отведя молот назад, шлемоносец нанес новый удар, прямо в грудь чудищу.

Впервые ощутив боль, худшую, чем от плети хозяина, Скулдрак взревел и извернулся, поворачиваясь к оскалившейся драконической твари. Векх, увидев открывшуюся возможность, бросился вперед: он собирался выбить всадника из седла, повалить на землю. Чешуйчатое существо, однако, оказалось слишком быстрым и щелкнуло пастью, чуть не снеся голову Свежевателя с плеч. Загонщик уцелел, но отшатнулся и прекратил атаку.

Рыцарь в золотой броне, которому теперь ничто не мешало, обрушил молот на череп кхоргората, словно это был клинок на наковальне. Взревевший Скулдрак, покачиваясь, отступил, а шлемоносец повернулся к пригнувшемуся Векху, уже готовому к новой попытке.

– Узнай своего врага прежде, чем он покончит с тобой, отроде погибели, – прозвучал чистый голос, пробившийся через боевые кличи, будто солнце сквозь тучи. – Я – Ванд Молоторукий, лорд-селестант грозового воинства, и этой ночью власти твоей придет конец.

Оскалившись, загонщик поднял плеть, собираясь вновь подхлестнуть кхоргората.

– Узнай и ты меня, Молоторукий, – ответил он. – Я – Векх, прозванный Свежевателем, и до конца ночи я облачусь в плащ из твоей кожи. Если будешь хорошо сражаться, то, возможно, перед этим я позволю тебе умереть.

Воздаятели добрались до Врат перед самым подходом орды. Немногочисленные, они выстроились длинной шеренгой, стараясь как можно лучше распорядиться своими преимуществами. Каждый воин стоял в двух ярдах от плеча собрата, чтобы вкладывать в удары двуручных великих молотов всю силу, которой обладал.

Иона занял место позади тонкой линии обороны, зная, что пока ещё не время идти в самое сердце битвы. На глазах лорда-реликтора беспорядочная толпа вражеских воинов с криками неслась к Вечным, что-то неразборчиво провозглашая на грубых наречиях. Некоторые говорили на языках, известных ему, другие изрыгали речь Старых богов, слова которой сочлились медленным разложением тысячелетий.

– Оставайтесь стойкими, – прошептал Иона стоявшим возле него. Голос лорда-реликтора, как и всегда, был тихим и шуршащим, словно пыль, но каждый Воздаятель отчетливо слышал его. – Верьте в бессмертную волю Зигмара, освободителя народов.

Они уже видели глаза врагов, покрасневшие веки под коваными железными шлемами. Иона заметил калечащие уродства их тел: раны, которым не давали срастись, выжженные клейма на лицах, железные штыри и шипы, пронзавшие обнаженную кожу. Все неприятели несли метки Кхорна, вырезанные в живой плоти и вознесенные на знамена из дубленых шкур.

– Он сохранит, – выдохнул Иона. – Он защитит.

А затем армии столкнулись, бурлящая волна безумия с размаху врезалась в золотую преграду. Воздаятели, ждавшие наилучшего момента для удара, обрушили молоты, и вся линия соприкосновения исчезла в мешанине расколотых черепов и фонтанов крови. Прежде, чем Вечные успели атаковать обратным махом, противники оказались среди них, рубя короткими топорами. Золотые великаны держали строй, хотя напор кровавых воинов заставлял их подаваться назад; враг проверял на прочность тонкую черту, за которой начинались ступени, ведущие к огромному арочному проходу Врат.

Лорд-реликтор хладнокровно наблюдал за разворачивающимся сражением. Все они знали, что будет тяжело, и чудовищный поток ненависти не удивил Вечных. Старые Силы исказили созданий, которые в этом Владении сходили за людей, превратили их в зверей, в свои орудия, не испытывающие ничего, кроме ярости. Проклятые кричали, когда атаковали Воздаятелей, кричали, когда их разили в ответ, кричали, когда их кишки вываливались из животов, лопнувших под тяжкими ударами великих молотов.

За золотой шеренгой возвышались громадные Врата, освещенные вспышками молний и эгидой огня, возгоревшегося над замковым камнем. Обвинители запаздывали на позиции, хотя Иона уже видел, как первые из них несутся по ночному небу, готовые высвободить гнев Кометы. Возможно, летучие воины угодили в засаду – что ж, тогда тем более нельзя было медлить с открытием прохода.

В тот же миг рухнул первый из Воздаятелей, справа от лорда-реликтора. До этого великан уже сразил дюжину кровавых воинов, и по его молоту струились потоки темной крови, но орда наседала всё так же неумолимо. Иона поспешил на помощь павшему, но опоздал: пика с очень длинным древком, которую держало множество рук, метнулась вперед. Её наконечник, пробив горло Вечного, толкнул шлем вверх и откинул голову назад.

Орда испустила могучий рев, и атаки стали ещё неистовее. Два Воздаятеля, стоявшие по бокам сраженного брата, сомкнули строй; они бились изо всех сил, не позволяя просвету в шеренге стать брешью, через которую хлынет поток врагов.

Тем временем лорд-реликтор добрался до павшего великана и склонился над ним. Вечный был мертв, обломок пика всё ещё торчал из рваной раны в шее. Удалив осколки и щепки, Иона зарастил рану движением когтистой руки. Он действовал быстро и хладнокровно, не обращая внимания на кровавых воинов, врубавшихся в защитников Врат. Затем лорд-реликтор воздел посох, и жуткие энергии, скопившись в костяном реликварии, потекли к неподвижному трупу Воздаятеля. Когда они охватили тело, послышался вздох, подобный дуновению холодного ветра в высокой траве, и убитый вздрогнул. С верхушки реликвария прыгнул луч призрачного света, обволокший шлем великана, пряди фантомного света зазмеились по окровавленной броне. Сраженный воин вновь зашевелился.

Увидев, что Воздаятель с трудом поднимается на ноги, Иона отступил. Золотой великан протиснулся на свое место в шеренге и продолжил сражаться, как ни в чем не бывало. Его товарищи спокойно отодвинулись, давая пройти, и строй был восстановлен. Отходя в тыл, лорд-реликтор внимательно изучал остальных защитников Врат, проверяя, нет ли других разрывов в линии.

Возрождение, случившееся на глазах орды, ненадолго поколебало неприятелей, увидевших, как дело их рук обращено в ничто. Сраженный Воздаятель бился так же крепко и умело, как остальные великаны, и единственной меткой гибели остался кровавый потек на пробитом горжете.

Впрочем, как только потрясение прошло, кровавые воины рассвирепели ещё сильнее, словно оскорбленные тем, что кто-то помимо их темных владык использует магические силы. Они вновь

бросились на Вечных, ударяя их шипастыми щитами, неистово размахивая топорами и выплевывая проклятия, хотя боевые молоты продолжали собирать урожай смертей. Воздаятелей оттеснили ещё на шаг, и, хотя они сдвинулись в полном порядке, но всё же приблизились к лестнице Врат.

По-прежнему невозмутимый лорд-реликтор пытался распознать вожаков орды. Наконец, его взгляд остановился на истинном звере в человеческом облике, который с боем прорывался через собственных воинов, сражая их, чтобы добраться до передовой. Облаченный в тяжелый доспех из железа и бронзы, в одной руке он сжимал топор с длинной рукоятью, в другой – штандарт, не уступающий реликварию Склепорожденного. Именно этот враг возбуждал в рядовых бойцах такое неистовство, именно он сковывал армию воедино.

Сошурившись, Иона пригляделся к медной иконе, которую вздымал чемпион. В ней сквозило нечто противоестественное, как будто её отковали в ином мире, не имеющем ничего общего со смертным планом бытия. Уже сейчас на вершине символа мелькали язычки красного пламени, предвестники грядущего великого прибытия.

Сильнее всего лорду-реликтору сейчас хотелось броситься в толпу неприятелей, раскидать кровавых воинов и добраться до истинной угрозы. Когда медная икона выпустит нечестивое проклятие, кто знает, какой ужас обрушится на них?

Но его место было здесь, с Воздаятелями, на защите Врат – догадавшись, в чем их предназначение, орда разрушит арку до основания. Если сейчас Иона оставит шеренгу, следующий сраженный воин уже не поднимется, и хрупкий щит, несомненно, разлетится на куски.

Поэтому он остался на позиции, зная, что рано или поздно их растянутый строй поддастся. Склепорожденный рискнул ещё раз взглянуть в небеса, истерзанные бурей стихий, и увидел, что Обвинители приступили к делу, но ещё только начали. Время работало против них всех, с каждым мгновением всё новые кровавые воины вливались в яростный ближний бой под сенью развалин. Если портал не удастся открыть в ближайшие минуты...

– Оставайтесь стойкими, – прошептал Иона, не только остальным, но и самому себе. – Он сохранит. Он защитит.

Анакт вознесся к небесам на бушующем урагане, его световые крылья противостояли порывам бури. Летающих собратьев разбросало вокруг, и они с трудом удерживались неподалеку от Врат. Орды, ползающие по земле, снова пытались атаковать Обвинителей, швыряя в них копья из озаренной факелами тьмы, но удар Ванда по основной массе наступающей армии на время отвлек внимание неприятелей.

Нападение кровавых налетчиков задержало небесных воинов, и теперь им нужно было спешить. Радость полета давно покинула Анакта, сменившись осознанием того, как мало времени у них осталось. Он видел, что лорд-селестант связан боем с огромной тварью Хаоса, а передовой отряд Освободителей вступил в рукопашную схватку с намного более многочисленными врагами, вооруженными топорами. Иона и его Воздаятели полностью скрылись из виду за ордой кровавых воинов, и прорыв любого из флангов Вечных быстро привел бы к полной неразберихе.

Возжигая в ладонях новый кометный огонь, Анакт смотрел, как его боевой молот превращается в шар ярчайшего сияния с голубоватым отливом, и, выстреливая разрядами, вращается в мокрых от дождя латных перчатках.

– Азир! – взревел Небесный Шлем, посылая сверкающую молнию в сторону Врат. Шар врезался не в камень, но в самую пустоту огромного арочного прохода. В миг удара о точку прямо под замковым камнем он взорвался, и паутинка силовых линий побежала по воздуху в проеме, как по разбитому зеркалу.

Всё строение зашаталось, и огонь на вершине арки вздрогнул. Обвинитель Каллас метнул с другой стороны Врат точно такую же молнию, которая попала в ту же самую точку и с теми же самыми последствиями. Пелий направил под арку пучок кометного света, вертящийся вокруг своей оси, а затем пришел черед Вальяна, едва не ставшего жертвой кровавых налетчиков. Его пламя оказалось слабее из-за полученных ран, но разряд всё равно ударил в центр Врат, присоединившись к непрерывному граду атак.

Залпы беспримесной магии сотрясали портал, и руны, вырезанные на его возносящихся к небу столпах, запылали дрожащим тускло-красным светом. Новые языки огня самопроизвольно вспыхнули в переплетенных закоулках строения, взметнулись над древними колодцами и рванулись через конические крыши сторожевых башен.

Печати, наложенные на Врата в последние дни Долгой Войны, были крепкими. Говорили, что Зигмар сам сотворил рунные знаки, своей мощью и искусством заперев проход на многие века, и что эти скрепы не давали Падшим богам вторгнуться в Небесные Владения. Только орудия самого Азира обладали властью, необходимой, чтобы сорвать печати, и применять их следовало с великой силой. Отправить Вечных в бой, минуя портал, было невероятно сложно, даже когда для выполнения задачи были призваны целые хоры волшебников Зигмарона. Только открыв Врата с обеих сторон, можно создать действительно широкую дорогу, по которой огромные силы грозových воинств сумеют беспрепятственно пересечь мост между Владениями.

Поймав тепловой поток с искорками пламени, Анакт снова набрал высоту и вознесся над верхней точкой арки. Небесный Шлем призвал новый призрачный боевой молот, который, замерцав в его хватке, отвердел и превратился в зигмарит. Тогда вождь Обвинителей метнул оружие в кольцо портала; в полете оно вновь обернулось разрядом небесной энергии, несясь подобно комете, из которой и было рождено.

На сей раз взрыв оказался мощнее, и вихрь многоцветного сияния хлынул из бездонного сердца арки. Исхлестанная грозой пустота пошла складками, будто ткань, искажая для взглядов всё, что лежало за проходом. Возникла огромная трещина, в которой виднелись слабые золотые отблески, и руны на Вратах полыхнули огненно-алым.

Но затем береги воспротивились прорыву, вновь запечатывая переход грузом эпох, пресекая любые попытки сокрушить то, что так долго оставалось несокрушимым. Все Обвинители небесного воинства присоединились к атаке своими сгустками кометного огня, поддерживая непрерывность залпов, но больше трещин не появлялось, а руны оставались на местах и просто тлели.

С досады Анакт закричал в полный голос. Постоянные призывы кометного огня опустошали его, а портал оставался закрытым. Где-то внизу два передовых отряда под началом Ванда и Ионы стали островами в океане бешеной ярости, и, несмотря на всю их доблесть, были обречены на скорую гибель.

– За Бога-Короля! – выкрикнул Небесный Шлем, истерзанный болью, и, призвав очередную молнию, метнул её в сердце Врат.

Выпуская из рук огонь, рожденный кометой, глядя, как он несется к цели, Анакт не мог избавиться от ужасной, вьедливой мысли.

«Мы пришли слишком поздно. Мы не успеем открыть проход».

Шестая глава

Кхул, путь которому преграждали толпы собственных воинов, ещё был далеко от врага, когда осознал истинную опасность. Сначала он принял огромные развалины впереди за заброшенную реликвию былых времён. Когда молотодержцы в золочёных доспехах выступили вперёд, чтобы окружить их, Коргос подумал, что они просто пытаются сохранить воспоминание о былых временах, решил, что они собрались защитить арку от потомков первых разрушителей.

Но постепенно, наблюдая затем, как пикируют и кружат крылатые ангелы, он осознал, в чём была их настоящая цель – не сохранить, но разрушить врата, и каждое их действие было нацелено на это. Кхул не имел ни малейшего представления, с чего бы им рисковать своими жизнями ради столь бессмысленной задачи, но был достаточно хитёр, чтобы предположить, что в ней заключена их единственная надежда на выживание. Впервые он ощутил отзвук сомнений – у него всё ещё было достаточное численное превосходство, чтобы со временем перебить их всех, но, если во Вратах была заключена некая тайная мощь, о которой знали только принесённые грозой, то нельзя было дать им пробудить её.

- Клеймитель Черепов! – взревел Кхул, выпрямившись в полный рост и наполнив топор тёмной силой.

Даже на другом конце поля боя, даже сквозь рокот тысяч кричащих в гневе и ярости голосов Трекс Клеймитель Черепов услышал зов хозяина и повернул к нему свой багровый шлем, дабы услышать приказ. Так крепка была их связь, выкованная в длящейся целую жизнь войне, столь сильна и пропитана тёмной магией, что Кхулу достаточно было лишь сказать его имя, дабы Трекс услышал его.

- Врата! – взревел Кхул, показывая туда, где ангелы обрушивали на них порывы дикой магии. – Сломай эгиду! Призови Медное Владение!

Клеймитель Черепов согласно кивнул, и его посох-икона содрогнулся, выпуская медные щупальца. Вой иного ветра слился с вихрями этого мира, воздух вокруг осквернителя начал дрожать, словно от боя барабанов.

Кхул остался бы, чтобы посмотреть на действия Треска, ведь ему всегда приятно было глядеть, как отпрыски великого Трона внимают зову смертных, но посреди битвы ему нельзя было прохлаждаться. Он уже видел, как Векх и его кхоргорат сошлись в невероятной схватке с воином-всадником. Превзойдённые числом золотые рыцари всё равно держались, даже пробивались вглубь его армии. Они сражались с такой скоростью и мастерством, что пользовались всякой ошибкой неистовых врагов. Слишком долго кровавые воины бились лишь со слабыми и испуганными жертвами, они стали неуклюжими и безрассудными.

Коргос зарычал, идя сквозь толпу простых воинов орды, желая лишь повергнуть рыцаря-шлемоносца прежде, чем его убьёт кто-то другой. На протяжении целых эпох он искал чемпиона, череп которого станет идеальной вершиной для его незавершённой Красной Пирамиды, его великого памятника Владыке Сражений, и теперь наконец-то его нашёл – бессмертного, обладающего властью над молниями и доблестью своей превосходящего даже героев былых времён.

Но затем разгневанный Кхул остановился и опустил топор, поражённый тем же осознанием, что и на утёсе. Он внезапно вспомнил, как уничтожал то последнее племя, как предавал их деревни огню, проносился через их земли словно ураган. Никто из них не сдался, сражаясь до самой смерти. Кровавые налётчики не смогли обратить никого, никто не стал его воином. Каждый бой, каким бы безнадежным

он ни был, они превращали в жестокую схватку, отчего свирепое сердце Коргоса переполняло ликование.

Эти были такими же. Пусть грозовые воины и сражались в лучших доспехах, они были сделаны из одного теста. Особенно оседлавший зверя – он был точно таким же, не из-за своего царственного величия, но из-за ярости и упорства.

В ту ночь тоже ударила молния. Гнев небес сжигал орду, почти заставив их отступить от последней цели. А потом, в самом конце, великий воин – бросивший ему вызов, выплёвывавший проклятия в лицо и готовый к поединку, в котором не мог победить – просто исчез, а на месте его осталась лишь обгорелая земля и треск, отзвук небесной ярости.

Ворчащий Зёв заскулил, желая вновь броситься на охоту, и натянул железный поводок. Возможно, адская гончая тоже узнала врага... Все мускулы Коргоса загудели от отчаянного желания рвать и метать.

- Я не знаю, как ты вернулся... - зарычал Кхул, размахивая топором, чтобы пробить себе путь через собственную разъярённую орду. – Но я узнаю это до рассвета и вырву истину из твоей дрожащей души!

Клеймитель Черепов не обрадовался приказу своего господина. Он намеревался возглавить атаку на воинов под воротами и уже предвкушал, как расколет их чистые доспехи своим топором. Для призыва скрытого за гранью мира требовалось время, а каждое мгновение вне резни терзало, мучило его душу.

Земля под ногами пропиталась кровью, доходившей до коленей, сапоги провалились в мокрую землю, словно в болоте. Конечно, большая её часть принадлежала кровавым воинам, но то, откуда она вытекла, не имело значения...

Трекс высоко поднял штандарт, и вокруг него ярче вспыхнуло медное пламя, питаемое бушующей вокруг бурей ярости. Каждая смерть усиливала вихрь, впиваясь в преграды между осязательным миром и таящимися за его пределами просторами безумия.

Находившиеся ближе всех к нему воины орды, те, кого не до конца поглотила боевая ярость, ликующе закричали при виде медных огней и с новой силой ринулись на врага. Клеймитель Черепов вбил знамя в землю. Он ударил с такой силой, что древко погрузилось почти на полметра, легко пронзив пропитавшуюся кровью почву.

Едва оно закрепилось, магия вырвалась наружу, словно пар из гейзера. Треск закричал, издав восемь криков – восемь проклятий, каждое из которых призывало Владения Хаоса в земли смертных.

Колонна медного огня вырвалась из вершины штандарта, высоко пронзив безумную ночь и сравнявшись с метаемыми ангелами серебристыми молниями. Земля под ногами забурлила, из вздувшейся пузырями кровавой слякоти пошёл пар. Старые обугленные плиты разбрасывала в сторону новая почва из горячей меди, блестящей от кипящего кровавого моря. Она расходилась вокруг Трекса, словно сокрушительная волна...

Завопил сам воздух, потрескались скалы. С пронзительным воем неземных ветров Владения Хаоса ворвались в мир, разбросав всё бывшее и подменив его собственными корчащимися пейзажами безумия.

Клеймитель Черепов запрокинул голову и торжествующе взревел. Его охватило бронзовое пламя, окутав тело испепеляющим плащом. Земля потрескалась и вспыхнула, пролитая кровь вздыбилась фонтанами

шипящего пара. Пошёл новый дождь – густой, липкий, пахнувший медью. Всюду, где падали кровавые капли, воины Хаоса словно становились выше, орали громче и с большей яростью размахивали топорами. Хор взбешённых свирепых голосов подхватил вечный речатив – *«Кровь для Кровавого Бога!»* Их броня вспыхнула багровыми огнями, воздух вокруг затрещал от демонических энергий.

Теперь, когда Владение пришло, Клеймитель Черепов выпустил посох. Он остался глубоко вонзённым в саму реальность, искажающим цельную материю вокруг, но в направляющих словах больше не было нужды. И теперь кровавый осквернитель мог поддаться своим желаниям, и потому он затопал к тонкой золотой линии, даже теперь преграждающей его прислужникам путь к воротам.

- Истребите их! – взревел Трекс, всё ещё окутанный пылающей медной аурой Кровавого бога, трясаясь от неудержимого гнева, - *Перебить всех!*

Ванд вновь обрушил молот на врага, отбрасывая грозного зверя Хаоса обратно в толпу. Его Освободители наступали, сражаясь хладнокровно и с мастерством, каждый из них более чем мог тягаться с обезумевшим от крови сбродом, но их многократно превосходили числом.

Но Свежеватель был другим – он использовал свой хлыст как оружие и обманку, выпадами и парированием сплетая облака тьмы. Дракот ринулся к нему, пытаясь оторвать руку, но Векх был слишком быстр и метнулся в сторону прежде, чем сомкнулись клыки, и хлестнул шипастыми концами кнута по морде благородного зверя.

Повсюду на поле боя исход ещё не был ясен. Ванд видел, как небесное воинство Анакта ослабляет обереги портала с каждым ударом, но это происходило недостаточно быстро. Натиск Освободителей отбросил врага и смял его ряды, но сопротивление усиливалось, орда пользовалась своей величиной. Если грозное воинство не сможет достаточно быстро сломить решимость врага, то, как понимал Ванд, им придётся отступить, чтобы помочь Ионе. У них было недостаточно сил для двух прорывов одновременно. Однако после этого линия боя станет ещё уже, что позволит вражескому командиру бросить все силы орды в одну точку.

- За Зигмара! – закричал он, разбивая череп кровавого воина, подошедшего слишком близко к кружащемуся Гельденсену.

Чудовище вновь нависло над ним – раненное, напуганное и разъярённое уже полученными ударами. Когда оно потянулось вновь, пытаясь вырвать его из седла, Ванд вскочил, встал на вздыбившуюся спину дракота, и наотмашь ударил молотом.

Зверь подался назад, явно считая, что зигмарит был нацелен в плоть, но этого Ванд и ожидал. Издав крик освобождения, он направил мощь кометы в корону священного оружия, и поток чистого белого пламени вырвался наружу, обрушившись прямо на наступающего зверя, глубоко впившись во вспыхнувшую плоть. Тварь взвыла от муки, размахивая огромными когтями и пытаясь сбить охвативший её огонь. Чистое пламя Азира мучало её сильнее тысяч ударов кнутов хозяина, и зверь бросился назад, завывая от боли.

Теперь, когда чудовище бежало, Свежеватель, лишившийся главного оружия, кружил вокруг осторожней. Вместо плетей он снял с пояса нож и ждал, пока вокруг соберутся кровавые воины. Точно так же напротив него выжившие освободители наступали вокруг Ванда, и вот два строя воинов, багровый и золотой, встали в редкой бреши в бушующей сече.

- Такая судьба будет ждать всех вас, - заговорил Ванд, вернув Гельденсен в цельную форму и опустившись обратно в седло на спине дракота. - Покиньте это место и тогда вы увидите ещё один проклятый рассвет. Если вы останетесь, то я убью вас на месте.

Едва он произнёс эти слова, как страшный взрыв сотряс землю, и колонна медной энергии вырвалась из земли вблизи позиций Ионы. За колдовским ударом последовали вопли, когда в самую гущу боя хлынули Владения Хаоса.

Векх захохотал, как и все окружавшие его воины.

- Это наша земля, - сказал он. - Ты не знаешь, на что мы способны на ней.

Ванд быстро осознал, что неприятель прав. До поля боя добрались все воины полководца, ряды кровавых воинов казались бесконечными. Знамена Бога Сражений раскачивались в свете факелов, содрогающихся от ударов барабанов из выдубленной человеческой кожи, а с губ мародёров уже срывался насмешливый хохот, полный торжества. Их не тревожили никакие потери, кровопролитие, похоже, лишь побуждало их на ещё большую удачу. И теперь, когда сама сущность Порченных Владений втекала в осязаемый мир, их сила преумножилась.

Хаос расходился, разносился по равнинам словно чума, неся с собой гибель. Пока это был мираж, но таким будет будущее всех Владений, если они падут. Гибельное пламя, кипящий металл - таким был рок человечества, который яснее всего увидел Бог-Король. Видение Хаоса было бесконечным и ужасающим.

Ванд поднял Гельденсен и посмотрел на его несравненную рукоять. Её золото было чистым, порченная кровь сгорала с каждым взмахом. По всей длине рукояти был выгравирован знак кометы, жрецы-кузнецы Бога-Короля покрыли священный зигмарит символами чести и величия. Это оружие было создано не для смертных, страхи которых больше не имели над Вандом власти. Он был Перекованным, превращенным в нечто, лишь немного уступавшее самим богам, и даже демоны не могли тягаться с его могуществом.

Молоторукий выпрямился в седле, и порыв бури вздыбил его кобальтово-синий плащ. Он вновь высоко поднял Гельденсен, и молния обрушилась с небес, чтобы поприветствовать его.

- Не страшитесь отродий Внешней Тьмы! - взревел Ванд. - Их власть окончена, их ужас исчез! Ко мне, Грозорожденные Вечные! Рассвет настанет вновь!

Взревев в ответ, Освободители подняли своё святое оружие и во главе с коронованным громом лордом вновь ринулись в бой.

Анакт закричал, превращая свой молот в чистейшую сущность кометы, и метнул бело-голубое пламя в пустоту под аркой врат. Прогремел взрыв, ударная волна закружилась, расходясь, словно новая звезда. Последовал звучный треск, эхо, полетели осколки камней, а затем его отбросило назад.

С внезапным приливом надежды Небесный Шлем осознал, что печати врат ослабли. Разряды его братьев почти пробili береги, но теперь они яростно сражались за свои жизни, а град кометного огня ослабел до редких ударов. Сам Анакт кружился от отдачи и взрыва, потеряв равновесие. Он тяжело забил повреждёнными крыльями, немного набрав высоту. Несмотря на смертельную усталость, лорд призвал ещё один преображённый молот, готовясь преобразовать энергию бури в разряд и метнуть его прямо в потрескавшийся центр врат.

Когда же он раскручивал молнию-молот для удара, то почувствовал, как буря тянет его вниз, прямо в пасть орды. Он покосился через плечо и увидел грозного чемпиона в багровой броне, стоявшего в считанных метрах под ним. Икононосец заносил двулезвийный топор для броска, и Анакт знал, что уклониться он не сможет. Однако в его латниках ещё осталась собранная энергия кометы. Если Обвинитель использует её, то сможет разорвать чемпиона Хаоса на части, прежде чем тот бросит оружие, что даст Небесному Шлему время спастись, выжить, чтобы сразиться вновь.

Анакт позволил улыбке промелькнуть на израненном лице. У него было достаточно силы лишь на один такой разряд, и небесный воин знал, на что его потратит. Из последних сил он метнул сущность кометы прямо в расколотое сердце портала. В следующее мгновение он ощутил, как метко брошенный чемпионом топор вонзился в его хребет.

Охваченный чистейшей мукой небесный лорд выгнулся дугой и полетел на землю. Падая, он бессильно кружился и даже не мог ясно увидеть пробил ли он береги или нет. Вокруг выла буря, срывающая с груди разбитую броню. Он ощутил жуткий холод, а затем рухнул на землю. Крылья смялись, броня разлетелась.

Последним, что увидел Анакт, были собирающиеся вокруг кровавые воины, заносящие топоры. Их лица скривились в полных ненависти оскалах. Он ухмыльнулся им в ответ окровавленными губами.

- Зигмар свидетель, какие же вы уроды... - прохрипел Небесный Шлем.

А затем клинки опустились.

Время пришло, и Иона больше не мог оставаться позади своих братьев. Воздаятели сражались, превосходя величайшие из ожиданий, не поддаваясь изнеможению и удерживая шаткий кордон против врагов, которые не знали страха и жили только ради резни. Несмотря на всю их доблесть, треть воинов утащили вниз, так далеко, что даже лорд-реликтор не мог вернуть их к жизни, и разрубили на части в мстительной ярости. Выжившие медленно отступали по ведущим к portalу широким ступеням, и больше некуда было идти.

Чувствуя, что настал решающий час, Склепорожденный лично вступил в бой. Он взял реликварий обеими руками и взмахнул им словно булавой, круша и разбрасывая напирających врагов. Но у него было и другое оружие, ведь искусства давали ему силу не только возвращать жизнь, но и вытягивать её из врагов. С сухим шипением Иона выпустил духов бури из сердца реликвария, и тогда из грозowych облаков обрушились белые, как кости молнии. Они хлестали врагов, молотя наступающих кровавых воинов и поджаривая их прямо внутри доспехов. Всюду, где падали небесные стрелы, воины Хаоса вспыхивали от ослепительного электрического огня, их кожа покрывалась коркой и дымилась, словно запечённая изнутри. Они дергались, словно марионетки с обрезанными нитями, а затем падали. Дым шёл от раскалённой докрасна брони.

Это принесло краткую передышку, но она быстро закончилась. Воины орды ринулись в бой, и никакие потери не могли погасить их жажду крови – на самом деле, чем больше их погибало, тем сильнее в других разгоралась жажда насилия.

Иона сражался, чувствуя в руках первые уколы слабости. Пал ещё один Воздаятель, выпотрошенный жутким ударом секача, оборона рубежа повисла на грани. Пока Вечных постепенно теснили по ступеням, лорд-реликтор увидел приближающегося багрового чемпиона, призывавшего Владения Хаоса своей иконой. Он приготовился к схватке, которая решит исход обороны врат.

Но икононосец не бросился в поединок. Вместо этого он метнул свой топор высоко в небеса, его двойной клинок закружился словно в вихре, во все стороны полетели брызги крови. Следивший за полётом топора Иона с ужасом увидел, как тот впился в спину Анакта Небесного Шлема, искалечив лорда Обвинителей и повергнув его на землю. Если бы всё закончилось на этом, то Склепорожденный ощутил бы боль утраты и вернулся в бой, зная, в какой опасности они оказались. Но перед смертью Анакт послал разряд молнии в самое дрожащее сердце врат. Лорд-реликтор смотрел, как он летит к цели, разгораясь, словно падающая звезда.

И когда разряд ударил, то случилось невиданное – всё пустое пространство разлетелось на части, словно стекло, разбилось на тысячи осколков. Из эпицентра разошёлся мощный вторичный взрыв, впившись в брюю вихрем золотого и белого света.

Невероятной силы ударная волна разнеслась во все стороны, будто прилив, повергая всё на своём пути. Сброшенные с небес Обвинители разлетелись, словно чайки в буре. По древним плитам разошлась золотая паутина, осветившая глаза удерживавших арку великанов, руны вспыхнули новым серебристым пламенем.

Иона пошатнулся от вихря, грозившего повергнуть его на колени, но устоял, продолжая смотреть на то, ради чего они стольким пожертвовали.

- Держитесь, воины Азира! – приказал он, впервые повысив свой мертвенно-хриплый голос. – Время пришло!

И тогда бушевавшая под аркой буря взорвалась. Руны раскололись, обломки раскалённого камня взлетели высоко к небу. Обрушились балки и подпорки, пали лестницы и башенки. Дождь унесло прочь, вдаль от центра взрыва и через всё поле бушующей битвы. И в сердце вихря изменились сами врата. Старые плиты потрескались и осыпались, открыв постройку из чистой слоновой кости. Лица статуй открылись, вековая патина испарилась, и их безмятежные глаза вновь посмотрели на Владения Огня. Под аркой пронёсся шквал, погасивший последние языки порченого пламени и сменивший их золотой огненной бурей.

А затем сквозь проход ринулись легионы Азира, принесённые в сердце бури дугами лазурных молний. На поле боя один за другим воплощались ряды Освободителей, отправленных по древним путём между мирами и прошедших через распечатанные врата. Целые воинства Обвинителей пролетали под аркой, а затем высоко взмывали на бушующих ветрах, их молоты уже раскались добела. Следом за ними наступали Воздаятели, спешащие на помощь своим выжившим братьям на великих ступенях.

Несмотря на свой характер, Иона не смог удержаться от сухой и мстительной усмешки. Ради этого они рискнули пройти через пустоту, ради этого использовали труд долгих эпох.

Врата были открыты. Они никогда не закроются вновь. После столь долгого, но временного затишья Война Владений началась вновь.

- Так настало время возмездия! – провозгласил Склепорождённый, высоко подняв реликварий, и выпустил из ларца холодное пламя. - Вперёд, братья мои, несите смерть врагам!

Глава седьмая

Когда это произошло, даже Кхул остановился в своем неистовстве. Он ощутил резкий порыв ураганного ветра, увидел, как гаснет багровое пламя Кхорна. Портал арки разлетелся на куски, и окруженных

врагов отбросило от Врат, но их тут же сменила целая армия, в десять раз больше той, с которой Волна Кровопролития сражалась только что. И непрерывно прибывали новые противники.

Владыка пристально изучал немыслимо совершенных воинов. Как и предыдущие, они были облачены в доспехи, сверкающие золотом и синью, и каждый нес на безупречной броне символ молота. Если до этого против военачальника вышел достойный враг, то теперь силы неприятеля стали поистине ошеломительными; сражение с ним стало бы испытанием для величайших правителей Владений.

И тогда Коргос Кхул хрипло усмехнулся от искреннего наслаждения. Кровавый бог благословил его вне всякой меры: долгие годы тщеты и скуки мгновенно забылись, сменившись пылом, что рождался только из смертельной опасности.

Воинство владыки ощутило то же самое, и боевые кличи достигли новых высот лихорадочного исступления. Они *жили* ради таких моментов, и это был славный дар того, кто восседал на Медном Троне. Ни один враг не мог усмирить ярость кровавых воинов, поскольку они страшились только плена слабости и медленного угасания. Возвращение Небесных легионов для их рода было всё равно что возвращение великого и благородного союзника, поскольку предвещало лишь вечность битв – то единственное, что отняла у кхорнитов давняя победа.

Но при всём этом Кхул быстро понял, что попытка захватить Врата провалилась. Окутанные молниями легионы быстро усиливали плацдарм вокруг арки, оттесняя силы Клеймителя Черепов вниз по склону и дальше на равнину. Впрочем, главный приз Коргоса никуда не делся – драконий всадник выжил и сейчас прорубал кровавую просеку в орде, сокрушая всех, кто вставал перед ним. Векха нигде не было видно, кхоргорат давно куда-то пропал. Другие могучие твари Волны Кровопролития отбивались от целых рот небесных рыцарей, и исход всей битвы висел на волоске.

Только когда военачальник увидел, как капитан-шлемоносец пробивается в сердце орды, к нему вернулись последние из давно отброшенных воспоминаний. *Лютые Клинки* – так они называли себя – дольше всех сопротивлялись среди великих племен прошлого, и Коргосу понадобилось время, равное жизни поколения смертных, чтобы сокрушить их. Их вождя звали Черным Кулаком из-за рук, которые были опалены в огне сражения, но всё ещё могли держать боевой молот, его вечное оружие.

Но давным-давно, за миг до того, как Кхул сошелся с ним в бою, владыку лишили этого шанса в рыке и треске молнии. Коргос впал в безграничное неистовство, и ярость его не утихала целый год, после чего сменилась тревожным забытием. Даже Ворчащий Зев, божественный Дар за убийство последних вольных обитателей Акши, не успокоил военачальника, и Владения Огня познали его чудовищный гнев.

Венделл Черный Кулак.

Чем дольше Кхул наблюдал, тем меньше сомневался в своей догадке. Даже если всё остальное сгорит в пламени поражения, Коргос выполнит то, ради чего был направлен сюда: заберет череп последнего из Лютых Клинков и возложит на вершину Красной Пирамиды. Такое жертвоприношение обеспечит владыке вознесение к бесконечной службе Кровавому богу, и тогда он поведет армии гибели на войну, что бушует во всех планах бесконечности.

– Кровь для Кровавого бога! – прогремел Кхул, широко раскинув руки и отправив стоявших рядом воинов в бурлящие пучины безумия. – Черепа для его Трона!

Орда не колебалась, никто не обращался в бегство, ведь кровавые воины питались резней так же, как меньшие создания насыщались едой. Вид растущих рядов золотых воинов действовал на Волну

Кровопролития, словно наркотик, и бойцы рвались в мясорубку битвы с глазами, широко распахнутыми в исступлении на покрытых шрамами лицах.

Коргос не останавливал их. Он предоставил Клеймителю Черепов поступать по собственному разумению и не собирался тратить силы на поиски Векха. У владыки осталась только одна цель, которой он пытался достичь со времени окончания древних войн, победы, затянувшейся так надолго.

– Последний из Лютых Клинков, – прорычал Кхул, шагая вперед в сопровождении Ворчащего Зева. – Клянусь богом, дающим мне силу, как же *страстно* я ждал этого дня!

Когда Векх увидел прибывающие легионы Азира, его боевое исступление сменилось чернейшей яростью. Свежеватель отчетливее всех понял, каким окажется исход битвы на равнинах, и, отказываясь верить в это, завыл в лицо буре.

Кровавые воины вокруг него отступали, их свирепость всё же уступила ударам наступающих рыцарей, принесенных молниями. Загонщик рычал на орду, хватал бегущих мимо бойцов за железные ошейники и пытался бросить их обратно в бой, но не мог поймать всех. В каждом сражении присутствовал ритм, волны, подобные морским, и сейчас отхлынул прилив.

Куда-то утопал до сих пор подвывающий Скулдрак, плоть которого терзали последние язычки пламени Азира. Векх не стал гнаться за зверем и обратил плеть на смертных поблизости от себя.

– Назад! – орал он. – *Назад!*

Щелкающие хвосты кнута метались, словно змеи, и обвивали шеи трусов. Двоих кровавых воинов обезглавили сжавшиеся кольца, на телах других остались глубокие борозды. Капли горячей крови попали на броню Свежевателя, и он разошелся ещё сильнее.

Загонщик взобрался повыше, на черный скалистый выступ, гордо стоявший посреди бушующих орд. Всё это время Векх не переставал кричать и брызгать слюной, а его глаза пылали на исчерченном шрамами лице.

– Держаться, скоты бесхребетные! – ревел он, широко размахивая шипастой плетью. – Пробудите ярость! Пробудите неистовство!

Казалось невозможным, что один человек, неважно, насколько могучий, способен остановить намечающееся бегство, но ужас перед кровавым загонщиком глубоко укоренился в каждом бойце Волны Кровопролития с первых дней гибели Владений. Если воины не умирали под мучительными ударами плетей, то в них оставалось лишь одно чувство: ярость.

Остановился первый из беглецов, грузно ступающий чемпион, с шеи которого свисали на лязгающих цепях отрубленные руки. Взыв от боли, он развернулся и бросился обратно, на атакующего врага. Свежеватель снова взмахнул кнутом, и ещё четверо кровавых воинов снова обрели жажду битвы, затем таких стало восемь, а потом – целая рота.

– Рвите их на куски! – безумствовал Векх, подгоняя Волну Кровопролития назад, на пределе сил орудуя плетью, которая вгрызалась в бойцов вихрем чернорезвийной стали. – Отрывайте руки и ноги, купайтесь в потоках крови! Приносите *мне* черепа без счета, чтобы я мог соперничать с Кхулом! Кровь! Кровь для Кровавого бога!

Свежеватель широкими шагами спустился с выступа, непрерывно размахивая кнутом. Его приветствовал ревущий хор, клич целой армии. Гниль отступления была выжжена, горнило непокорности разгорелось вновь. Теперь кровавые воины шли за Векхом, снова скандируя гибельные проклятия, благоденствуя от глубоких рубцов, оставленных плетью на злобных лицах и драных спинах.

Кровавый загонщик жестоко подгонял их, выискивая других, посмевших бежать с поля боя. Впереди находился самый жаркий участок противостояния, отделенный от Векха морем тел. Оскорбленный тем, что драконий наездник одолел его и прогнал кхоргората, Свежеватель собирался отомстить.

– За мной! – прорычал он, ведя своих бойцов в атаку. – Вон тот, сидящий на звере! Первым убейте его, потом убейте всех!

Ванд сражался, охваченный новым приливом сил. После открытия портала гора свалилась у него с плеч, и в удары Гельденсена вернулась мощь первых атак. Бросаясь вперед, Каланакс хватал когтями кровавых воинов и раздирали их в клочья. Освободители рядом с лордом-селестантом продолжали наступление, усиленные новыми отрядами, что прибывали в бой позади них. Вражеская орда всё ещё превосходила грозное воинство числом, но огромный разрыв исчез, и теперь начинало сказываться превосходство Вечных в силе и воинском умении.

Все они знали, что открылись только первые из множества Врат. Бог-Король запечатал их в самом конце темной эпохи, когда Владения оказались полностью захвачены врагом. Таким было Его последнее деяние перед тем, как пресеклись дороги через бездну, и после того лишь Небесное Владение сохранилось в целости. Когда угасали последние надежды, Он протянул руку к множеству проигрываемых битв и забрал тех, кто сражался даже пред лицом верной смерти. Эти воины, исчезнувшие с полей смерти, были проведены через быстро закрывающиеся порталы.

Затем, среди шпилей Зигмарона, оторванные от Владений, они прошли через мучения трансформации, долгие изменения, во время которых очищающий огонь выжигал из бойцов прежнюю жизнь, принося взамен бессмертие. Их укрепили, сделали сильнее и быстрее, чем раньше. Их вооружили великими боевыми молотами и облачили в зигмаритовые доспехи, что сияли чистейшим золотом. Так закончилась Перековка, так были созданы легионы Грозорожденных Вечных.

Всё совершалось ради того, чтобы однажды, когда будет накоплено достаточно сил, воины вернулись обратно, дороги снова пролегли в бездне, и арки опять стали дверями в миры. Поражение здесь, во Владении Огня, могло погубить все замыслы. Падшие боги удвоили бы усилия, создали бы новые армии демонов и совращенных, ускорили исполнение планов по превращению всех земель в единый край беспримесного Хаоса, и о надеждах на отвоевание пришлось бы забыть.

Впереди ждала долгая война, – несомненно, дольше и тяжелее любой войны прошлого, – но, по крайней мере, они сделали первый шаг. Лорд-селестант знал, что прямо сейчас начинаются атаки на другие порталы в разделенных королевствах. Одна за другой, армии Бога-Короля будут таранить запертые врата, и одно за другим они распахнутся.

Осознание этого пробудило в Ванде радость, подобную которой он не испытывал прежде, даже в благословенном Небесном Владении. И всё же, даже круша врагов налево и направо, оттесняя их в урагане разбитых костей и расколотов брони, он не веселился, присмирившись важнейшей мыслью.

Женщина, лицо которой и сейчас являлось лорду-селестанту во снах, не оставляло его и среди золотых шпилей города Зигмара, давно умерла. Только вернувшись сюда, во Владения Огня, он до конца понял,

сколько лет прошло с тех пор и как далеки теперь жизни всех знакомых ему людей. Невозможно было вернуться в мир, который Ванд когда-то пытался спасти – полностью уничтоженный, он превратился в сущий ад бесконечного насилия. Пока боевой молот описывал дуги вокруг, принося гибель всем, кто оказывался у него на пути, Вечный начинал понимать, что мечтал не о такой победе. Он отвоевывал Акши для других, тех, кто придут после и вновь заселят эти истерзанные земли, но не для себя.

Лютые Клинки сгнули. Венделл Черный Кулак сгинул. Остался лишь тот, в кого он был превращен: лорд-селестант, орудие воли Бога-Короля.

– За Зигмара! – прогремел Ванд, отбрасывая эти думы и возвращаясь к войне. – За Небесный Трон!

Но даже сейчас, на грани его великого триумфа, боевой клич лорда-селестанта звучал скорее гневно, чем победно, и гордые слова казались чуть неискренними.

Иона возглавлял наступление от Врат на равнину вниз. Теперь наступательный порыв охватил Вечных, и кровавые воины гибли под саботонами свиты лорда-реликтора. Завывающие духи бури носились у них над головами, создавая защитную оболочку. Неудержимо шагавшие Воздаятели с абсолютной целеустремленностью пробивались к собратьям в колонне Ванда. Соединившись, два фланговых отряда образуют несокрушимое ядро легиона.

Но и сейчас, продвигаясь к югу, Иона внимательно следил, не отвернется ли от них удача. Положение было опасным, враг не утратил прежней мощи. Знаменосец оставался в живых, и орда продолжала сражаться под проливным дождем.

– Не упивайтесь гордостью, – предупредил лорд-реликтор окружающих бойцов, желая видеть их сосредоточенными. – Кого судьбы возвысили, тех могут и низвергнуть. Храните бдительность! Прикрывайте собратьев!

Словно подтверждая правоту его слов, снизу, из дельты, куда ещё не добрался ни один Вечный, донесся могучий рев. Нечто огромное приближалось к ним с равнины, рыча от бешеной ярости. Кровавые воины уже разбежались прочь, не в силах удержать мощь, высвобожденную ими самими.

Призвав жемчужно-серый свет реликвария, Склепорожденный осветил море воинов перед Воздаятелями и увидел, кто издает раскатистые боевые кличи.

На них спустили второго кхоргората, понесшегося к Вечным с неудержимой силой приливной волны. По пути зверь крушил и разбрасывал как кровавых воинов, так и Освободителей, броня которых не спасала от выпадов извивающихся костяных щупалец. Могучие лапы с силой отбойных молотов врезались в землю, оставляя глубокие борозды и высоко подбрасывая грунт. Увидев слюнявое безумие, написанное на морде твари, лорд-реликтор понял, что чудище отстегали плетью до полусмерти и оно не разбирает ни друзей, ни врагов, но будет уничтожать всё, до чего сможет дотянуться, пока горнило его существования не угаснет навечно.

Воздаятели рядом с Ионой немедленно бросились наперерез кхоргорату, целеустремленно занося великие молоты и не думая об опасности.

– Назад! – закричал лорд-реликтор, зная, что им не под силу убить это создание, но опоздал.

Тварь налетела на четыре десятка Вечных, вставших у неё на пути, и отбросила их в сторону. Многие из Воздаятелей сумели попасть в цель, вспоров бока громадины огромными ранами, но ничто не могло

усмирить её неистовство. Одиноким рыцарь в золотой броне, не отступивший перед чудищем, поразил его налечником молниевомго молота в окровавленную челюсть. Кхоргорат наотмашь ударил противника лапой, отшвырнув громадного Вечного под ноги бегущим позади кровавым воинам.

– Назад! – уже разгневанно выкрикнул Иона. – Эта тварь моя!

С этим он выступил вперед, не позволяя оставшимся Воздаятелям атаковать чудовище. Устремив на лорда-реликтора красные глаза, кхоргорат по-бычьи пригнул крупную голову и с грохотом понесся к нему.

Зверь казался почти неуязвимым, походил на живую гору мышц и сухожилий, управляемых пламенным духом. Даже Склепорожденный, при всех его познаниях в законах жизни и смерти, ощутил краткий приступ сомнения при виде атакующего колосса.

– Шийш! – возопил Иона, втыкая древко реликвария в землю перед собой и готовясь к удару.

Как только кхоргорат врезался в призванную Вечным стену бледно-серой энергии, кроваво-красное тело чудища мгновенно сменило цвет, потускнев, как угли в погасшем костре. Пошатываясь, тварь замедлилась и остановилась, а затем, опустив плечи, рухнула набок – подогнувшиеся ноги уже не держали её.

Лорд-реликтор не двигался, направляя на гиганта всё больше смертоносной, высасывающей душу магии. Пока цепкие серые пряди обвивали кхоргората, его могучее сердце ещё билось в груди, а распахнутая пасть уже застывала в агонии. Он попытался достать мучителя ударом лапы, но Иона уклонился; реликварий вспыхнул ледяным пламенем, и тварь Кхорна рассыпалась прахом, её жестокий дух обратился в ничто.

Когда зверь издох, Склепорожденный наконец прервал колдовство и схватился за посох, чтобы не упасть от головокружения. Почти неподготовленный призыв такой мощи едва не прикончил его. Воздаятели устремились вперед, разворачиваясь веером вокруг Ионы и продолжая наступление. Вдаль уходила длинная полоса смерти, путь, оставленный разрушительной атакой кхоргората. Его отмечали тела и Вечных, и кровавых воинов.

Только затем, когда осела пыль и бойцы с обеих сторон пришли в себя, лорд-реликтор увидел, какой цели послужил неистовый забег чудовища. Посреди трупов и грязи возвышался владыка в маске-черепе, державший в одной руке длинный топор, а в другой – железный поводок, идущий к ошейнику демонической гончей. Холодно улыбнувшись, он зашагал к Склепорожденному во главе фаланги стражей в полных доспехах.

– Ты должен был умереть здесь, – сказал военачальник Ионе, приближаясь грохочущими шагами. – Я спустил тварь, чтобы проторить дорогу к своей добыче, и всё же ты преграждаешь мне путь.

Увидев, как вспыхивают на топоре огоньки гибельных энергий, лорд-реликтор понял, что не совладеет с таким противником. Даже если бы Склепорожденный не выпустил эссенцию смерти, чтобы сразить кхоргората, этот великан всё равно одолел бы его.

Выпрямившись в полный рост, Иона снова возжег жуткий свет над ларцом реликвария.

– Ты не знаешь, каково это – умирать, – сухо ответил Вечный, изготавливаясь к бою.

Повсюду вокруг него Воздаятели снова вступали в бой, нацелившись устранить военачальника. Их

встретили телохранители владыки, и два отряда сошлись в схватке, не в силах добраться до вождя противной стороны.

- Подобные тебе не принадлежат к этому миру, - произнес военчальник, жестокий голос которого звучал скорее заинтересованно, чем злобно. - По крайней мере, не все вы.

- Все миры суть владения Зигмара, - сказал лорд-реликтор, радуясь возможности перевести дух и восстановить силы. - Когда мы освободим последнее из них, от подобных тебе останутся лишь горькие воспоминания.

Великан медленно кивнул, будто одобряя услышанное.

- Но ты - иной, - задумчиво пробормотал владыка, всё ещё не нападая, хотя гончая уже рвалась с поводка. - Ты говоришь «Зигмар», но для тебя это имя значит нечто иное, чем для остальных, кричащих его. Я спрашиваю себя, *что* ты такое? Какой путь привел тебя сюда, что понудило биться в рядах не столь великих душ?

Склепорожденный улыбнулся под маской смерти. В другой обстановке лорд-реликтор с радостью поведал бы свою историю, рассказал бы о долге перед Богом-Королем и древнем проклятии, которое навлек на себя сделанным выбором. Поведал бы о Нагаше, божестве, что пока ещё дремлет, но обязательно придет за Ионой, когда минуют отсчитанные годы. Подтвердил бы, что да, он *действительно* иной, что он - лорд-реликтор грозowego воинства, которому открыты тайны, неизвестные даже Молоторукому. Что каждая из уходящих в будущее дорог для него темна и полна страданий, и неважно, как закончится это сражение.

Но лорд-реликтор промолчал, всё так же опираясь на древко реликвария и черпая из него остатки магии, а затем мрачно отсалютовал военачальнику.

- Я знаю, чего ты ищешь, - произнес Иона. - Изю всех оставшихся сил я остановлю тебя.

На это вражеский повелитель громко расхохотался.

- До тебя мне дела нет, владыка смерти, - ответил он, спуская гончую с цепи, - но, встав между мною и моей добычей, ты приблизил свой последний час.

Адское создание ринулось вперед, целя в глотку Склепорожденного. Иона отбросил гончую магической вспышкой из ларца, но военачальник уже подступил вплотную и обрушил топор, собираясь расколоть наплечник Вечного. Тот, впрочем, успел отшатнуться и заблокировать выпад древком реликвария.

Сокрушительный удар бросила Иону на колени. Хотя Склепорожденный удерживал оружие, сила вытекала из него, как вода из дырявого кувшина.

- Если выживешь, непременно отыщи меня, когда всё это закончится, - прошептал Кхул, давя на древко рукоятью топора. - В моей армии найдется место для такого, как ты.

А затем военачальник внезапно отстранился. Склепорожденный попытался встать, вонзить реликварий в грудь врага, но оказалось, что Коргос просто хотел размахнуться посильнее. Перехватив топор двумя руками, он ударил наискосок, и лезвие поразило Иону ниже подбородка. С металлическим лязгом горжета Вечный отлетел в сторону. Кувыркаясь в пыли, с темнотой в глазах, лорд-реликтор выпустил последний вихрь духов бури: теряя сознание, он пытался вытянуть жизнь из военачальника так же, как из обычных воинов.

Но Ворчащий Зев преградил путь магии. Демоническая гончая на лету поймала духов, и, тряхнув башкой, выбросила их из реального мира.

Для Ионы их гибель стала ледяным колом в сердце, и последние силы оставили его. Золотой шлем Вечного стукнулся о землю, древко реликвария выскользнуло из рук.

Кхул неторопливо подошел к нему, высоко поднимая топор для удара, но тут одинокий голос рассек шум сражения.

– Ни шагу дальше.

Военачальник повернулся, раздвинув костистые челюсти в широкой улыбке. Ворчащий Зев зарычал и вздыбил чешую на загривке, но Коргос просто приготовился к схватке: перехватил топор поперек груди и встал надежнее.

– Значит, я достиг всего, что хотел, – вибрирующим от наслаждения голосом произнес владыка. – Ты всё же вышел против меня, и последний трофей будет моим.

Наконец-то увидев Кхула, Ванд испытал прилив старых чувств. Его дракот взревел, жажда вступить в бой, и демоническая гончая ответила тем же. Повсюду вокруг Освободители, Воздаятели и кровавые воины были связаны боем насмерть, океаном насилия, который простирался от края Врат до устья горной долины. Всё находилось в движении; всё пребывало в равновесии.

Но лорд-селестант оставался неподвижен. Как и эпоху назад, перед ним стоял хаоситский военачальник; с тех пор у Коргоса прибавилось стати, и с железного пояса свисало больше черепов, но багровый шлем и рот, полный черных зубов, остались прежними. Не изменился и потрескивающий огнем огромный топор, который сокрушал целые королевства.

Впервые с момента возвращения Ванд почувствовал истинное слияние своих двойственных жизней. Он был лордом-селестантом, вестником ярости Зигмара. Он был вождем Лютых Клинков, обреченных умереть под топорами Волны Кровопролития.

Остановив на Вечном взгляд темных глаз, Кхул дернул от удовольствия ртом, видимым из-под костяной маски.

– *Сбежавший*, – сказал он. – Так они называли тебя в те давние годы. Они проклинали твое имя, пока я убивал их.

Выпад попал в цель. Ванд вспомнил, как всё произошло – собственный вопль отчаяния, мольбы отправить его назад. Каждая живая душа, которую он поклялся спасти, сгинула той ночью, лишенная защиты боевого молота Венделла.

– Сейчас мы забираем у тебя эти владения, – сказал лорд-селестант, придерживая дракота, по природе своей всегда стремившегося атаковать. – Врата распахнуты, и для тебя здесь не осталось ничего, кроме смерти от моей руки.

Но Коргос по-прежнему улыбался, и язычки кроваво-красного огня лизали лезвие топора.

– Ничего? Это не так. Здесь остался *ты*, Лютый Клинок. Ты – завершение моего великого похода, и, когда твои выбеленные эпохами кости будут возложены на жертвенный костер Кхорна, все эти владения станут моими.

Голос Кхула был невыносимо, ужасно знакомым. Ванд помнил беспримесный страх и то, как заставлял себя сражаться, преодолевая его. Все смертные испытывали этот ужас, ведь Коргосу покровительствовал безумный пантеон, и военачальник был всего лишь проводником их безграничной злобы. Сам Хаос сочился из каждой поры его тела, и, хотя владыка превратился в нечто меньшее, чем человек, ещё одна крупинка божественной силы могла возвысить его даже над демонами.

– Бог-Король предвидел этот день, – ответил Ванд. Его голос звучал так же крепко, как рука сжимала молот, но под этим скрывался внутренний непокой. Лорд-селестант не только бросал вызов старому противнику, но и успокаивал самого себя. – Тогда ты смеялся, но твое поражение уже было предreshено.

– «Смеялся»? – взревел разъяренный Кхул. – Клянусь богами Погибели, мальчишка, я был взбешен! Я поверг в прах дюжину королевств, но не унял своей жажды!

Но теперь военачальник действительно смеялся, и в глазах его сиял искренний восторг.

– Но если бы я знал, что ты вернешься, что единственный ускользнувший враг снова придет ко мне, то не страдал бы так сильно. – Коргос совершенно безбоязненно и даже саркастически посмотрел на лорда-селестанта, пропитанный напыщенной уверенностью, как и всегда перед смертоубийством. – Они умерли, потому что ты бросил их, Лютый Клинок. Такова истина, и ты чувствуешь её даже новым сердцем, полученным от твоего Бога-Короля.

«Мальчишка». Когда-то, перед тем самым ударом молнии, военачальник уже назвал его так. По правде, тогда Ванд и в самом деле был почти юношей, держал оружие из скверно обработанного металла и защищал горстку хижин, которые едва держались под порывами ветра. Теперь он стал первым среди легионеров Азира, получил в дар мощь, немыслимую для смертных, и всё же обращение «мальчишка» уязвило его до глубины души.

Ванд. Венделл.

Довольно!

Он позволил дракоте броситься в атаку и поднял боевой молот. В тот же миг демоническая гончая ринулась навстречу, спеша в бой, как и её повелитель. Кхул высоко подпрыгнул и описал топором огромную дугу, пытаясь достать лорда-селестанта. Ванд парировал, и два оружия, с лязгом столкнувшись, послали ударную волну над полем битвы.

Воины оттолкнулись друг от друга, а дракот вцепился в Ворчащего Зева; рыча и щелкая челюстями, они сошлись в звериной схватке. Снова метнувшись к Вечному, Коргос попытался нанести удар в туловище. Лорд-селестант парировал вновь, но на сей раз противник едва не выбил Гельденсен у него из рук.

– Дары свыше не прибавили тебе сил, – насмешливо заметил Кхул. – Ты был слаб тогда, а сейчас ещё слабее.

Ванд широко замахнулся молотом наискосок, набирая силу для удара, но военачальник контратаковал и отразил выпад, погасив пламя на зачарованном зигмарите. Каланакс оказался достойным противником для демонической гончей, но владыку-кхорнита как будто ничего не брало. Лорд-селестант и Коргос обменялись ещё несколькими ударами, оставляя вмятины и трещины на доспехах, но никому не удалось ранить противника. Вокруг них по-прежнему кипела битва, хотя никто из воинов не рисковал вмешаться в дуэль повелителей; все увязли в собственных боях насмерть.

Затем Кхул сменил тактику, отступив на длину широкого шага. Почувствовав угрозу, дракот дернулся к

военачальнику, пытаясь схватить его за горло. В ответ Ворчащий Зев прыгнул на плечо зверя и вонзил желтые клыки в плоть под чешуей. Каланакс отступил, вырвавшись из хватки гончей, но это дало Коргосу шанс для точного выпада: пока Ванд пытался справиться с драконом, владыка пробил его защиту. Топор глубоко вошел в закрытое броней бедро Вечного, и лорд-селестант громко вскрикнул.

Сражавшиеся неподалеку кровавые воины насмешливо взревели, услышав это, а в души Освободителей упали зерна сомнений. Поединок превратился в центральную точку всего сражения – ни одна из армий не могла взять верх, и судьба битвы теперь зависела от их вождей.

Отпрыгнув назад, Кхул уклонился от ответного выпада. Военачальник тяжело дышал: при всем своем мастерстве, он тоже получил немало тяжких ударов, и его огромная сила не была бесконечной.

– Интересно, тебя снова утащат от меня? – задумчиво спросил Коргос, обходя дракона по кругу и высоко держа топор. – Когда твоя жизнь окажется в моих руках, спасет ли Бог-Король тебя от опасности ещё раз?

Ванд почти не слышал противника. Всё, чего он добился со времени Перековки, сейчас висело на волоске. Его направили в Акши сражать военачальников, правивших здесь, но даже сейчас, когда буря гнева Зигмара кружила над головой лорда-селестанта, он сдерживал себя. Собственная мощь казалась Ванду притупленной, неполной. Каждый раз, направляя Гельденсен во врага, он не мог достичь совершенной точности, привычной по сотне других дуэлей.

Непоколебимый Каланакс свирепо бросался на гончую. Оба зверя обильно истекали кровью, их пасти превратились в месиво рваной плоти. Кхул тяжело отступил для нового удара, темный силуэт владыки излучал мрачную угрозу; смертоубийство было для него естественно, как дыхание.

– Зачем ты вообще вернулся? – спросил военачальник. – Разве не видишь? Здесь *ничего* не осталось. Не стоило открывать врата, ведь теперь мы придем охотиться на вас, как вы явились к нам.

Коргос хотел разъярить его этой издевкой, вселить страх, что сам Азир может оказаться под угрозой, но Ванд уцепился не за эти слова. В его душе отозвались иные: «*здесь ничего не осталось*».

И тогда лорд-селестант понял всё. Скорбь Вечного усилилась, когда он увидел, за что сражается – старые развалины и пустоши, изуродованные огнем. Ничего из того, что когда-то пытался защитить Венделл. Ванд вдохнул иссушенный воздух Владения, почувствовал запах его сожженных костей, и могучее сердце рыцаря упало.

Даже сейчас какой-то аспект Вечного тянулся к ушедшему миру, месту, в котором обитали все дорогие ему люди. Он был частью прошлого, и за долгие годы приготовлений *отчасти* надеялся, что им удастся спасти каких-нибудь выживших, какие-то остатки прежней цивилизации. Сейчас, когда стало ясно, что минувшее утрачено, эта надежда рассеялась. Рыцарь не мог сражаться за нынешнее Акши, как бился за Акши прошлого.

В этом и состояла ошибка лорда-селестанта: он позволил прежней личности всплыть на поверхность, ведь скорбь принадлежала не ему, а *Венделлу*. Ванда направили сюда не восстанавливать земли прошлого, но создавать Владения будущего.

Гельденсен вновь полыхнул ревущим пламенем. Символ кометы на доспехе Вечного вспыхнул чистым светом, отражая скрытую славу Небесного Владения. Повернув дракона, лорд-селестант твердой рукой направил его на ждущего Коргоса Кхула.

Военачальник, если и заметил перемену во враге, ничем это не показал, и ринулся навстречу. Оружия столкнулись вновь, но на этот раз отскочил топор, и дрогнуло его пламя. Следом Ванд нанес ещё один удар, отбросив Кхула и заставив владыку пошатнуться.

Лорд-селестант молчал, гнев говорил за него. Оправившись, Коргос больше не смеялся. За тысячу лет его никому не удавалось одолеть, и военачальник снова бросился в бой, описывая топором узкие круги.

Направив молот сверху вниз, Вечный хотел перехватить двуглавое лезвие на полуделе. В этот же миг дракот промахнулся мимо своего противника, позволив Зеву свободно атаковать. Демоническая тварь отпрыгнула от Каланакса, разинув пасть; в последний момент Ванд отклонил Гельденсен, и клыки гончей сомкнулись на золотом оголовье.

Так лорд-селестант открылся для нападения, и Кхул не упустил свой шанс. Владыка-кхорнит направил топор по гибельной дуге, целясь в незащищенную шею Вечного, и заранее издал победный клич. Увернуться от этого удара не смог бы никто, ведь Коргос вложил в него всю долго зревшую ненависть, высвободил всю настоящую злобу.

- За Кровавого бога!

Но торжествующий вопль Кхула оборвался на полуслове. Вспыхнув лазурным огнем, Ванд вырвал оголовье молота из пасти Ворчащего Зева. Лезвие топора прошло через дымку потрескивающих молний, но столкнулось с увенчанным разрядами металлом. Снова ударили друг о друга оружия, направленные всеми силами хозяев. Прозвучал оглушительный раскат грома, высвободилась вся мощь грозы, и на сей раз Коргоса отшвырнуло прочь.

Вечный, доспех которого ещё сиял мерцающими энергиями небес, продолжил атаку. Кхул торопливо поднял топор, пытаясь защититься, но Гельденсен отбросил проклятое железо в сторону. Обратный удар оголовьем выбил оружие из рук военачальника, и, вращаясь, оно улетело в ряды кровавых воинов. Впервые в глазах Коргоса мелькнул страх – владыка почувствовал, что трофей, как и прежде, ускользает из хватки. Зарывав, он кинулся на Ванда, протянув когтистые пальцы к шее врага.

Но лорд-селестант оказался быстрее, и метнувшийся Гельденсен врезался прямо в грудь Кхула. Окутанное молниями оголовье раскололо багровую броню; кувыркаясь, Коргос откатился прочь, и с его окровавленных губ слетел первый по-настоящему болезненный крик.

Дракот, бросившись на Воющего Зева, глубоко вонзил когти в тело твари. Покинув седло, Ванд присоединился к атаке на демоническую гончую. Вечный подошел ближе, выждал, пока Зев по-змеиному прыгнет на него, и поразил чудовище молотом в полете. На гончую не действовал священный огонь, пылающий на рукояти Гельденсена, но неудержимая мощь зигмарита поразила её, как обычное смертное создание. Тяжелое оголовье врезалось в грудную клетку Зева, ребра вдавило внутрь, и тварь отлетела в сторону с перебитым хребтом.

После этого лорд-селестант снова повернулся к военачальнику. Кхула отбросило на много ярдов, прямо в толпу его воинов, и многих из них раздавило тело в тяжелой броне. Коргос лежал неподвижно, его оружие пропало, а огни Кхорна потухли. Подходя к нему, Ванд чувствовал, как легко теперь лежит в руке молот – настал момент истины, сомнений не осталось. Древний Серный Полуостров сгинул, и сокрушенный мясник перед ним был всего лишь крохотной гранью мучительного прошлого. Со смертью владыки начнется новая эра, эпоха обновления.

- Ничего не осталось, – холодно произнес лорд-селестант. Кхул смотрел на него мутными глазами, с

трудом осознавая происходящее. – Да, ничего не осталось – ни от этого места, ни от человека, которым я был когда-то. Не стоило тебе искать встречи со мной, военачальник, поскольку изменилось всё.

И тогда Ванд Молоторукий воздел Гельденсен, готовясь нанести удар, который покончил бы с его древним мучителем. Коргос зарычал, булькая кровью в горле, и нечто возгорелось в тени под костяным шлемом: губительный свет, вспыхнувший подобно пламени в разворошенных углях.

Встретив его взгляд, лорд-селестант мгновенно замер. В разум рыцаря вторглись видения, столь же четко различимые, как потоки огня. Ванд увидел восемь башен, мостов через бездну между пылающим горизонтом и небом, истерзанным бурями. Среди них возвышались другие Врата, огромный реликт из железа и зачарованного камня, скованный могучими цепями, окутанный кровавым пламенем жертвенных костров. Они вели не в славные владения Бога-Короля, но в глубины безумия, непостижимого для смертных. Под аркой бурлила зияющая рана в реальности, через которую в мир живых изливалась неудержимая злоба.

В тени врат стояла пирамида черепов, та самая, которой похвалялся Кхул. В дрожащем видении Ванда, уцелевший военачальник взбирался на вершину, озаренный злобным сиянием открытого портала. Держа когтистую руку на отлете, Коргос нес единственный груз – отрубленную голову, ещё поблескивающую плотью.

Поглощенный открывшейся картиной, лорд-селестант отступил, хотя лишь на миг. Ванд узнал черты изуродованного лица, и леденящий холод пробрал его до глубины души. На разбитых губах лежащего Кхула мелькнула улыбка.

– За Кровавого бога! – раздался лихорадочный вопль, пробившийся через шум и крики боя.

Колдовское видение исчезло, и Ванд резко поднял взгляд.

Клич издал не военачальник. Это вернулся кнутоносец, гнавший перед собой свежую фалангу кровавых воинов и налетчиков. Вновь прибывшие врубались в ряды сражавшихся, рассеяв авангард Освободителей и заставив их отступить в глубину построения.

Удержал позицию только лорд-селестант: оправившись, Вечный разбросал ринувшихся на него кровавых воинов. Он быстро сражал противников, ловко орудуя молотом, но безжалостный загонщик гнал на рыцаря целые сотни фанатиков.

Каланакс рвал и терзал врагов, прорываясь к своему всаднику, и они с Вандом воссоединились посреди бурлящего моря неприятелей, яростно сражаясь только для того, чтобы их не смела приливная волна наступления.

– За Бога-Короля! – выкрикнул лорд-селестант, забираясь в седло и круша черепа тех, кто пытался стащить его на землю.

В итоге их оттеснили к Вратам, где Ванд соединился с Освободителями, пришедшими в себя после ошеломительной атаки и снова вступившими в бой. Схватка становилась все напряженнее, сражение достигло вершин отчаянной жестокости. В ней не осталось места для искусного фехтования, для применения изящных навыков – решимость Вечных столкнулась с цунами безумия, и Молоты Зигмара дрались так же свирепо и безжалостно, как их противники.

Посреди битвы, вынужденно смещаясь к западу, лорд-селестант в последний раз заметил Кхула, который, чуть ли не затоптанный собственными воинами, пропал за лесом бегущих ног, обутых в

окованные железом сапоги. Непонятно было, жив владыка или мертв, но добраться до него вскоре стало невозможно.

Впрочем, Ванд, избавленный от его губительного присутствия, ощутил, как исчезает ужас, что висел над равниной с момента появления военачальника. Изменился даже лейтмотив самой грозы, и это почувствовал каждый Вечный на поле боя. Могучий рев, сорвавшийся с тысяч бессмертных губ, вознесся к облачному круговороту небес.

– *Зигмар!*

Этот боевой клич раскатился над Пламенной Дельтой впервые на памяти смертных. Врата оставались открытыми, и с каждой секундой всё новые Вечные проходили через портал.

Дракот мотал змеиной головой из стороны в стороны, вырывая глотки подошедшим близко врагам. Грозное воинство держало строй, отвечая на атаки так, как его этому обучили. Последнее наступление оказалось упорным, но даже чемпионы орды, глубже всех утонувшие в ярости битвы, понимали, что с поражением Кхула эта ночь не принесет им победы. Скоро взойдет запятнанное солнце этого края, но его алый свет озарит лишь океан золота и сини.

Лорд-селестант высоко воздел боевой молот, и Гельденсен вспыхнул неудержимым блеском из сердца молнии.

– Азир! – вскричал Ванд. – За Бога-Короля!

И все, как один, Молоты Зигмара подхватили его клич, тесня врага со светом Небесных Владений, пылающим в их глазах.

Восьмая глава

Сражение продолжалось ещё много часов. Даже перед лицом неизбежного поражения последние враги сражались, яростно оспаривая каждую пядь земли, и многие Вечные пали, противостоя обезумевшей от крови орде.

Но Ванд вновь сражался вместе с ними, и теперь его сила была несравненной. Наконец, последнее сопротивление было сломлено. Кхул так и не вернулся. Никто не видел ни следа Векха Свежевателя, как и порабождённого им зверя. Лишенный руководства своего господина, Клеймитель Черепов был оттеснен на запад, а вместе с ним исчезли и остатки Владений Хаоса, растворившиеся в земле и оставившие лишь маслянистый дым. Фаланги Освободителей преследовали разбитую орду до тех пор, пока риск оторваться от главных сил не стал слишком велик. Затем они подняли развевающиеся знамёна Азира на разрушенных стенах и встали на стражу на опустевших башнях. К восходу солнца воинство взяло всю равнину и готовилось к новому наступлению. Другие пересекут пустоту, чтобы закрепить успех, но Молотам Зигмара не пристало отдыхать долго – им давно поставили задачи, а потому они выступят в путь вновь, прежде чем на поле боя остынет кровь.

Ванд вернулся к Вратам лишь тогда, когда пали последние враги. К тому времени он отпустил дракота, дав ему поохотиться вволю, а сам шёл по земле, так же, как и другие Вечные, и сапоги его глубоко погружались в мокрую от крови почву.

Иона ждал его у подножия каменной лестницы, тяжело опираясь на свой посох. Склепорождённый поклонился Молоторукому, как сделали и все остальные рыцари.

- Значит, Его вера в тебя оправдалась, - сухо произнёс Иона. - Пусть и не сразу.

- Ты видел всё, - улыбнулся Ванд, - чувствовал ли ты сомнения?

- Да, когда ты начал сражаться как безусый мальчишка. Но не в конце. Что подкосило тебя?

Ванд огляделся вокруг. Размах опустошения всё ещё ранил его душу.

- Само это место, - сказал он. - Нас предупреждали, но ничто не могло подготовить к такому.

- Поэтому тебе и поручили забыть, - Иона фыркнул. - Перековывание должно было сделать тебя цельным.

- А тебя, Склепорождённый? Ты-то всё забыл?

- Ну, нам обоим следует понять, - Иона издал хриплый смешок, - что мы не сможем вернуться к прошлому.

- Нет, но возможно, нас, как и всех остальных, ждёт второе становление, - Молоторукий окинул взглядом свою армию. Доспехи воинов были вымазаны в крови и солёной тине Пламенной Дельты. - Здесь произошло моё.

Они начали подниматься вверх по длинной каменной лестнице. Иона шёл тяжело, хромая. Над ними вздымалась арка врат, блистающая в свете солнца этого мира. Ярость бури очистила её от бремени веков, вновь открыв всё великолепие, оставленное её создателями.

Со временем через врата пройдут новые вечные, каменщики и ремесленники вернуться и восстановят всё разрушенное. Освобождённая земля была лишь частью просторов Серного Полуострова - точкой света, огоньком посреди огромных просторов тьмы, тянущихся во все стороны. Когда же такие огоньки соединятся, сольются с пришествием многих грозовых воинств, то война вспыхнет всерьёз.

Они оба знали, что уже начат штурм других порталов. Некоторые преуспеют, проложат новые пути во владения великого врага. Другие без сомнения падут, хотя их доблесть станет подтверждением мудрости Бога-Короля. Это было лишь началом, подготовкой к тысячам битв, которые освободят давно поглощённые отчаянием земли.

- А что стало с Кхулом? - спросил Иона, тяжело дыша. Его раны были страшными, такими, что даже сам лорд-реликтор не мог оправиться от них сразу.

- Он жив, - произнёс Ванд. - И будет стыдиться этого так же, как стыдился я, - он окинул развалины взглядом. - И когда его изломанное тело исцелится, то он вернётся. Мы должны быть готовыми к этому

- И мы будем, - Иона кивнул.

Ванд ничего не сказал о тревожных видениях - Вратах в бездну, пирамиде черепов. Однажды он захочет это сделать, а пока его разум уже обращался к грядущей кампании. Ему придётся убедить Иону в своей правоте до того, как грозовое воинство начнёт новое наступление, а это будет нелегко. Наконец, они поднялись на вершину лестницы. Над ними вздымалась арка, очистившаяся от бушевавшего на ней огня. Воздух гудел от разрядов, а по краям её мерцали молнии, но лишь глубоко въевшиеся пятна крови на камнях указывали на размах произошедшей битвы. Воздух пах пеплом и всепроникающим медный привкусом. На горизонте виднелись огромные груды костей, словно дрожащие в лучах рассветного солнца, а за ними вздымались смутные очертания ещё более огромных башен. Иона помедлил и криво

ему усмехнулся.

- Знаю, ты хочешь мне о чём-то рассказать. Но сначала, лорд, тебе стоит подумать о том, чего мы добились в эту ночь.

- И чего же мы добились, Склепорождённый? – спросил Ванд, наконец ощутивший как после долгого боя его охватывает усталость. – Мы завоевали выжженную пустошь. Пусть мы и повергли великое зло, но пришли мы слишком поздно.

- Возможно, – кивнул Иона. – А возможно и нет. Пойдём, я хочу тебе кое-что показать.

Всю эту жуткую ночь они не осмеливались двигаться. Люди цеплялись за камни и съёживались, словно надеясь как-то продавить себе путь вглубь, прочь от опасности. Горело само небо, терзаемое серебристым и медным огнём, скалы стонали и раскалывались.

Из всех испытанных ею страхов этот был самым сильным. Калья давно свыклась с тем, что её жизнь оборвётся в кровавой схватке, но всё было иначе – казалось, что весь мир повис на грани и погибает, что он погружается в вопящий вихрь безумия.

Сначала она обрадовалась, видя, как бегут налётчики, но потом увидела, от чего они бежали. Принесённые грозой были, несомненно, демонами, сошедшими с пылающих небес, чтобы причинять страдания смертным. Их лица были ужасными золотыми масками, не отражавшими ничего, и у них было страшное оружие из огня и стали. Каждый из них был гораздо выше человека, а голоса существ были резкими и скрежещущими.

Остальные люди её племени дрожали от ужаса при виде столкновения невообразимо огромных армий. Их долгое бегство через дельту закончилась на холме среди трёх башен, слабая надежда Кальи сдержать погоню в развалинах обернулась ничем.

Но постепенно ход битвы изменился. Калья видела, как демонические создания сражаются с налётчиками, а затем против пришедшей за ними огромной орды. Битва бушевала в развалинах вокруг огромной арки, а про их холм все забыли.

Но это были не демоны. Она поняла это, наблюдая отчасти заворуженно, отчасти с ужасом. Пусть они и внушали страх, но это была не притупляющая разум жуть отродий эфира, но чистый страх, рожденный лишь их яростью в бою и воинственностью. И они были храбрыми, поразительно храбрыми, когда бросались прямо в сердце огромной орды через равнины. Долгое время казалось, что они отрезаны, что их вот-вот захлестнут, что они обречены умереть среди развалин, которые так доблестно пытались защитить. В какой-то момент Калья вскочила на ноги, готовясь броситься в бушующую адскую битву и помочь им своим клинком.

Сван удержал её.

- Ты сошла с ума? – прошипел он. – Пусть истребляют друг друга!

Но это была не просто одна из бесконечных распрей между соперниками, но нечто новое, нечто, чего никто никогда не видел прежде. Она продолжала смотреть, отчаянно желая принесённым грозой победы даже тогда, когда их гибель казалась неизбежной. И когда Врата открылись, и из них вышло второе великое золотое воинство, Калья еле сдержала ликующий крик, распирающий её изнутри, готовый вырваться наружу.

После этого битва стала лишь яростней. Гремела буря, свет стал почти ослепительным. Она не видела конца, ведь грохот и неистовство стихий, наконец, заставили её скрыться в скромном каменном убежище, съежиться, словно младенец, зажимая руками уши.

А потом, когда орда была разбита, битва пришла и к ним. Некоторые из воинов владыки бежали в их сторону, потому Калье и остальным пришлось взяться за оружие оцепеневшими пальцами. Она убила одного из кровавых воинов, застав врасплох, когда тот перемахнул через стену, но другие окружили Калью, их клинки сверкнули в свете факелов.

Она прошипела проклятье и приготовилась умереть так яростно, как могла, когда внутрь ворвался один из золотых рыцарей. Он двигался иначе, чем его враги – его молот кружился так, что глаз не мог уследить за ним, круша и калеча каждым ломающим кости ударом. Не убитые им бежали, скрывшись во мраке, неся на себе смертельные раны. А затем воин со скрытым лицом повернулся к Калье, подняв молот и на неё.

Женщина слишком устала и не могла бежать. Она стояла неподвижно под хлещущим дождём, вода стекала с зажатого в руке тупого ножа. Безликий убийца медлил, он явно сомневался в чём-то. Остальные люди из племени, рассеянные атакой кровавых воинов, отступали, поражённо смотря на принесённого грозой, и, как и Калья, были слишком ошеломлены.

- Если ты собираешься убить меня, - прошептала она, выдавив слова сквозь стиснутые от страха губы, - то не тяни.

Услышав эти слова, рыцарь в золочёных доспехах ослабил хватку на молоте. Он опустился на одно колено, так, чтобы его голова оказалась на одном уровне с её, и всмотрелся в лицо женщины. Калья терпела осмотр, чувствуя себя жалкой и грязной перед таким великолепием.

- Ты цельная, - произнёс воин, и его голос был глубже и звучней всего, что когда-либо слышала Калья. В нём было и что-то иное, возможно, изумление. – Зигмар свидетель, ты цельная.

Ванд внимательно слушал историю смертной, не перебивая до самого конца. Иона стоял рядом с ней, как и Аварен, нашедший её Освободитель. Внизу по равнинам расходился дым погребальных костров, грязно-бурым пятном расходящийся по открытому небу.

Лорд-селестант боролся с желанием уставиться прямо на неё. Отчасти он был поражен самим существованием смертной – тощей, с резко выступающими костями, в лохмотьях, которые свисали с хрупкого тела, будто грязный саван. Но при этом она стояла гордо, расправив плечи, держа пальцы на рукояти запоясного ножа. В ней была решимость.

Когда же она закончила говорить, то Ванд подошёл ближе и опустился на колено, как сделал это прежде Аварен. Даже склонившись, он был гораздо выше её, а рядом с его превосходной боевой бронёй смертная казалась почти комично хрупкой.

«И при этом они пережили все тяготы долгих эпох тьмы. Смогли бы выжить мы, при всех наших дарах?»

- Как тебя зовут? - сказал он, говоря так мягко, как мог.

- Меня называют Калья.

- Сколько вас здесь?

- Только те, кого вы видите, господин, – эту ночь пережило меньше двадцати человек, все они выглядели исхудавшим и больными.

- И сколько ещё есть в пустошах?

- Я не знаю, сколько. Если остальные живы, то на них охотятся, как охотились на нас.

Эти слова разгневали Ванда. Перед ним были дети человечества, остатки некогда великого народа. То, что их травили, словно зверей, было чернейшим из богохульств, вершившихся в этой проклятой земле.

- Ты знаешь, что мы такое?

Женщина просто смотрела на него. С тем же успехом он мог спросить её, как лучше измерить луну. Всю свою жизнь она знала лишь теологию Тёмных Богов, имя Зигмара смертные не произносили уже давно. Символы на его доспехах были такой же тайной для неё, как и иконы Хаоса для него.

Чувствуя её смятение, Ванд поднял руки и снял шлем. Калья впервые увидела его таким, каким он был на самом деле. В её глазах немедленно сверкнуло узнавание, ведь хотя Ванд и был Вечным, изменённым и усиленным Небесным Владением, его лицо осталось безошибочно человеческим.

- Мы – Спасение. Мы – конец боли и начало надежды. Пока хотя бы один из нас жив, на вас никогда не будут охотиться вновь. Мы – воители Зигмара, и это рассвет Его Эры.

Конечно, она поняла не всё, но смысл слов явно осознала, ведь по её грязной щеке потекла слеза. В тот же миг Ванд вспомнил старый образ, который ценил даже в сверкающих лампами залах Зигмарона.

Он вспомнил, что, когда та женщина улыбалась, в её тёмных глазах сверкал звёздный свет.

Он мог бы подробнее расспросить Калью. Возможно, если бы позволили судьбы, Ванд узнал бы, что она была отпрыском известного ему племени, возможно, даже самих Лютых Клинков. Он почти задал вопрос, ведь её решительное лицо было таким похожим, таким навевающим воспоминания.

Но вопрос умер на его губах. Он прошёл испытание в пламени войны и больше не вступит на этот путь. Неважно, откуда пришла эта смертная, какая кровь текла в её венах – она была дочерью Зигмара, и само её выживание означало, что возвращение во Владения не было тщетным.

- Значит, - спросила она, с сомнением глядя под ноги, - больше не будет войн?

В её карих глазах пылала отчаянная надежда, боровшаяся с утомлением. Она едва не умерла от истощения, как и остальные смертные, хотя Склепорождённый и уверил его, что она будет жить.

Ванд хотел бы сказать, что это так, но здесь и сейчас, при первой встрече между оставленными и возвратившимися, она заслуживала истины.

- Когда всё будет сделано, так и станет, - сказал он. – С этого дня все наши силы будут направлены на то, чтобы вернуть потерянное, удержать и восстановить.

Но затем слабая улыбка Молоторукого потускнела, ведь он всё ещё чуял пепел и знал, что кровавая бойня прошлой ночи была лишь слабой тенью грядущего здесь и во всех иных владениях смертных.

- Но пока, - закончил Ванд, не отрывая взгляда от её глаз, - скажу тебе честно, это только начало.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Врата_Азира_/_The_Gates_of_Azyr_\(повесть\)&oldid=18629](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Врата_Азира_/_The_Gates_of_Azyr_(повесть)&oldid=18629)

Эта страница в последний раз была отредактирована 12 февраля 2022 в 22:27.